

Татьяна Стародубцева

Муся

Муся

Татьяна Стародубцева

Муся

«Автор»

2026

Стародубцева Т.

Муся / Т. Стародубцева — «Автор», 2026 — (Муся)

Семейная сага, охватывающая переломные десятилетия российской истории — от 1905 до 1941 года. В центре повествования — судьба Марии, наделённой сверхъестественными способностями: она читает мысли, видит прошлое и будущее, а вороны становятся её верными спутниками и советчиками. Жизнь Марии — это череда испытаний: ранняя потеря матери, жестокое обращение мачехи, издевательства в школе Петрограда, революция 1917 года, которая перевернула её представления о мире. Она мечтает стать учительницей и помогать людям, но судьба готовит ей новые удары: выкидыш, страшный диагноз о бесплодии, репрессии, расстрел мужа... Через боль, утраты и борьбу за выживание Мария учится принимать свои способности, находит в себе силы любить и быть любимой. Её история — это гимн женской стойкости, любви к детям и ценности семьи. Открытый финал накануне Великой Отечественной войны оставляет читателя с ощущением, что главная борьба ещё впереди. Исторический роман с элементами мистики.

© Стародубцева Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1 (1905 год)	6
Глава 2 Яков	13
Глава 3 Восстание на Железной дороге	20
Глава 4 Темнота	24
Глава 5 Безумие Якова	30
Глава 6 Муся – детство	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Муся

Сквозь время и боль

Пролог

«Тот, кто не имеет детей, приносит жертву смерти». Ф. Бэкон

Маленькая девочка блуждает по тёмному лесу, зовя на помощь. В её голосе дрожит отчаяние. Русые волосы спутались в беспорядочные пряди, а некогда ясные голубые глаза теперь кажутся бездонными чёрными точками, полными невысказанного ужаса.

— Папа, помоги! Спаси меня, заведи отсюда! — её крик рвётся из груди, цепляясь за исчезающий свет. В душе ещё теплится робкая вера, что мучительный кошмар вот-вот закончится, что тёплые отцовские руки вырвут её из этого леденящего ужаса.

Голос девочки звучит так пронзительно, что в ушах пульсирует кровь. Над ней, словно зловещие стражи, нависают могучие ветви ели — они будто тянутся к ней, желая окутать холодной тенью и навсегда скрыть в своих сумрачных объятиях.

С каждой секундой силы покидают хрупкое тельце. Маленькие ножки путаются в корнях деревьев. Девочка похожа на птичку, попавшую в западню; руки ещё пытаются развязать страшные объятия еловых ветвей. Дрожь пробежала по всему телу, а крик, полный отчаянной мольбы, постепенно слабеет и растворился в глухом безмолвии леса.

— Пап, пап, проснись!

В комнату вбежал мальчуган и начал трясти мужчину за плечи.

— Андрейка с крыши свалился! Похоже, ноги сломал, встать не может!

Яков с трудом продрал глаза и увидел перед собой обеспокоенного сына. Что это было? Кошмарный сон? Этот крик девочки до сих пор стоял в ушах... Она так просила помочь ей. А он не успел. Господи, Мусенька, прости меня!

Глава 1 (1905 год)

В избе царил полумрак, горели две свечи. На кровати лежала женщина и тихо стонала. Схватки продолжались уже седьмой час, она совсем обессилела. Рядом сидела повитуха: она поглаживала роженицу по руке и периодически подносила к её губам чашу с травяным настоем.

— Потерпи, девочка моя, скоро разродишься...

Казалось, Варвара уже не слышит слов утешения. Последний месяц перед родами выдался очень тяжёлым. Работа во дворе, уход за курицами и коровой забрали последние силы. А тут ещё и детвора, бегающая и кричащая, не давала покоя. Всех нужно было накормить и отмыть. Старший сын уже помогал где мог, но Варваре всё равно было тяжело. Муж был трудягой: весь день он проводил на железной дороге, а вечером приходил домой и подбадривал жену. При виде отца дети заметно успокаивались и ложились спать.

Повитуха принимала седьмые роды в их семье. Последние двое детишек родились зимой, были слабенькими и не дожили до весны. А Варвара так любила ребятшек, так хотела ещё детей. Муж обожал семью. И пока другие работяги-мужики по вечерам гуляли после работы, он занимался с женой хозяйством. Любовь...

— Варя, образок, малец на пороге. Давай соберись, скоро начнётся дело, бушь у груди держать.

Матрона Львовна стала напевать песню. Её голос накатывал волной, постепенно вводя роженицу в транс. Женщина погружалась в полусонное состояние, периодически глубоко вдыхая и выдыхая, чтобы облегчить подступающие потуги. Она уже чувствовала: её тело вот-вот извергнет из себя долгожданного ребёнка. Казалось, будто сами ангелы стояли над её изголовьем и напевали успокаивающие ритмы.

Ей виделось, как она лежит на облачке — мягком и тёплом. Её покачивало из стороны в сторону, и сильные родовые боли уже не так волновали.

Вот ещё одна сильная потуга. Варвара, поддаваясь природному инстинкту и слушая тихий шёпот Матрёны Львовны, поднатужилась и обмякла.

Раздался детский плач.

— Гляди, какая ж радость у тебя! Да глазастая, прямо загляденье! Ща замотаю, тада Якова позову.

Варвара, обессиленная, лежала и смотрела на свою повитуху с такой любовью и благодарностью, как на родную мать. Её рот приоткрылся — она хотела что-то сказать, но Матрёна Львовна приложила к её губам свою мягкую морщинистую ладонь:

— Молчи. Я и так всё знаю, моя родная! Береги силы, тепереча тебе восстановиться надо!

После рождения младенца Матрёна Львовна перерезала и обработала пуповину, перевязала её льняной нитью. Затем она быстро омыла малыша тёплой водой, завернула в чистые пелёнки и передала Варваре, приложив к её правой груди.

Произнеся благословение: «Расти больше и живи дольше. Аминь», повитуха заметила значительную кровопотерю у роженицы. Она сделала всё возможное, чтобы остановить кровотечение: обработала рану своими травяными настоями, окуривала помещение дымом горящего шалфея, шепча успокаивающие заговоры.

— Благослови, Господи,
младенца на долгую жизнь!
В ноги — добрые дороги.
Рукам — силу, мозгам — разум.
Во имя Отца и Сына

и Святого Духа. Аминь.

Матрёна Львовна каждый раз проводила эти ритуалы после рождения. Она была уверена: первые три дня, а особенно первый час очень важны для здоровья малыша и матери.

В этот раз повитуха собрала все свои снадобья и вспомнила все заговоры, которые только знала. Особенно серьёзно она отнеслась к последу и отрезанной пуповине: обернула их в льняную тряпку и спрятала в углу бани у двери — чтобы при выходе не забыть забрать и закопать подальше от глаз людских. Она считала: через послед и пуповину можно нанести непоправимый вред роженице и ребёнку. Эти роды хоть и прошли быстрее обычного, но повитуха почувствовала, что Варвара сильно устала, ее женское тело поизносилось. Так и не видно было; только внутренние мышцы выдавали, словно вся жизненная энергия ушла из них — всё ребёночку отдала Варвара.

И лишь через пару часов, когда все ритуалы были проведены, и в доме стало тихо и темно, лишь одна маленькая свечка догорала в углу у окна, Варвара беспечно задремала с ребенком у груди. Повитуха впустила Якова.

Глаза мужа светились от слёз.

«Милая моя...» — Он припал к своей жёнке, ласково погладил по руке да нежно провёл по головке малышки.

— Здравствуй, дочка! Эх, ты нас по диву поудивила! Я уж думал, что опять малец будет.

— Яков, это Муся... Мария... — Тихо прошептала жена.

— Муся... Мусенька. Я же рады мы тебе!

Догорела последняя свеча. Яков зажжёт новую, добавил в печь дровишек, и довольный улегся недалеко от жены.

— Спице, мои девочки... — прошептал он нежно.

Это было несвойственно его грубой натуре. Обычно он старался сдерживать эмоции; даже при своей огромной любви к жене он редко показывал мягкость — будто боялся испугать или сглазить своё семейное счастье.

Деревенька погружалась в ночную дремоту. Ветерок с реки приносил аромат полевых цветов. В воздухе летала любовь — такая летняя, тёплая; она убаюкивала душу словно нежная женская рука; гладила за плечи и шептала на ушко сладкие слова.

Лето в Подбережье в этом году было особенное — так казалось Якову. В отличие от многих мужчин он давно мечтал о дочке. Мальчишки-продолжатели рода уже были; хотелось цветочек, который украсил бы их семейный очаг. Звонкий девичий голосочек; русые косички; яркие синие глаза — как лучики солнца...

И вот она наконец здесь! Их маленькая дочка появилась на свет, наполнив дом сладким ароматом младенца.

Яков в сумраке ещё раз взгляделся в лица спящих жены и дочки; он был очарован их безмятежным сном. Промелькнула шальная мысль: а было бы неплохо ещё пару девчонок — всего шесть детишек будет! Ему чуждо было мечтать о чём-то материальном; роскошью он считал большую избу да несколько полатей¹, сундук с мукой да чтобы дети были одеты.

Просто жить и радоваться этому дню...

Просто учить сыновей быть мужчинами...

Просто любоваться своей женой...

Просто наслаждаться запахом скошенной травы...

Простое человеческое счастье. Разве можно его измерить рублями?

¹ Полати - это лежанка, устроенная перед или между стеной избы и русской печью, деревянные настилы (нары), сооружаемые под потолком.

Ночь была полна приятных размышлений, которые прервала внезапная, мощная молния. Она ударила в сарай у соседей, вызвав небольшой пожар. Но на следующий день еще долго шли обсуждения и переживания о великом промысле, что их село посетил злой дух.

— Бабы-дуры в самом деле, — ворчал дед Матвей из соседнего двора, который сам носил ведро с водой, чтобы помочь погасить огонь, — лишь бы шум наворотить!

— Нормальная гроза, молния ударила, случайность.

Его слова вызвали бурную реакцию со стороны бабки Агнии, известной в селе своей верностью народным приметам и знанием всевозможных суеверий.

— Эй, дурак, ты, батюшка! За усе мои лета невидно, шоб молния да избы вдарила, енто кто нагрехал, вот теби и знамение! — Возразила она, щипля зелень для супа.

Спор затянулся. Бабка Агния рассказывала о знаках, о том, кто мог навлечь на село несчастье, ссылаясь на давние легенды и приметы. Она упоминала и о рождении ребенка в эту грозовую ночь, видя в этом особый знак свыше.

— Это навьи² усё! Они и молнию наслали, и ребёнка подменить могли!

Дед Матвей же упорно отстаивал свою точку зрения, объясняя всё с позиций здравого смысла и природных явлений. Их спор стал главной темой разговоров в селе на несколько дней. Одни прислушивались к бабке Агнии, другие поддерживали деда Матвея, но к общему мнению так и не пришли.

Матрона Львовна внимательно прислушивалась к разговорам, но вступать в споры не спешила. Для собственного успокоения она решила проверить спрятанный за сараем послед.

Обойдя несколько раз место, куда ударила молния, повитуха насторожилась: дело явно было нечистое. Земля, где она закопала послед, выглядела странно — подгоревшей по краям и будто нарочно взрыхлённой.

«Неужели и впрямь навьи?» — похолодела Матрона Львовна.

Если на мать и ребёнка навели порчу, нужно срочно провести обряд. Но поднимать панику она не стала — тихо, неслышно отправилась к себе за травами и оберегами.

Природа же, как всегда, оставалась равнодушной к человеческим спорам, неспешно плетя свои узоры из солнца, дождя и ветра. Разговоры о том, что Муся бесова-дочь, дошли и до Варвары.

Когда Мусе исполнилась неделя, две местные знахарки-сплетницы проходили мимо дома Варвары и невзначай решили зайти и глянуть на ребеночка.

Варвара, услышав шепот соседок, прикрыла малышку платочком и вышла во двор.

— Варвара, мы к тебе зашли малютку поберечь, водой ее живой дай спрысну от заговора какого!

— Что еще придумали, нельзя на нее смотреть, мала она ещё!

— В том-то и дело, что мала, а бес уже окрестил её!

Тут Варвара не сдержалась и засмеялась.

— Ну вы, бабы, даёте! — расхохоталась женщина. — Расскажу Якову — вот он вас погонит! Что ещё придумали-то!

Она ещё раз звонко рассмеялась и скрылась в избе. Варвара отлично знала этих сплетниц: вечно навьдумывают невесть чего, а потом сами же от своих рассказней «лечат» да хлеб выторговывают.

Первый месяц новорожденной Марии проходил более-менее безмятежно. Муся была сладкой, милой, пахла молочком и тихо посапывала у мамы около груди. Варвара старалась

¹ Навьи - Навьи — это бывшие люди, которые при жизни занимались темными делами, например, черной магией, были прокляты близкими людьми, покончили с собой, умерли «неправильной смертью» (слишком молодыми, в результате преступления, от пьянства или от действия злых сил), были при этом неправильно похоронены (на общем кладбище, например). На том свете покоя им нет, Мать — сыра Земля их не принимает, вот и приходится бродить по миру живых, покуда не наступит день их «естественной» смерти, пугать и вредить им.

быть рядом, носила её перед собой в перевязанном платке, периодически прикладывая к груди, и потом возвращаясь к своим делам.

— Вон, вишь, журавли полетели, в стаи собираются. — Варвара сидела в поле с Мусей и старшим сыном. — У реки у них гнездо видала. А по весне танцы устраивали. В следующем году я тебе покажу, Андрейка, это очень красиво.

Варвара погрузилась в воспоминания, в те далёкие дни, когда Яков начал за ней ухаживать. Её тогда немало удивило, что он сам, без сватов, стал навещать её в дом. Позже она узнала причину этой необычной самостоятельности, причину, которая глубоко затрагивала его судьбу. Оказалось, что родители Якова были ему неродными, просто дядя и тётя, Фёдор и Пелагея, вырастили его вместе со своими детьми. Его настоящих родителей никто никогда не знал. История его появления на свет была окутана тайной. Её Варвара узнавала постепенно, по крупицам.

Всё началось, как гласила легенда семьи, в один обычный день. Пелагея и Фёдор вышли во двор и обнаружили там необычный сверток, завернутый в дорожную бархатную ткань – не такую, что носили деревенские жители. Из свертка доносились слабые шевеления и плач. Внутри лежал младенец, одетый в аккуратные, дорогого пошива, рубашечку и штанишки. Кто подбросил малыша – оставалось загадкой. Бабы в селе сплетничали, что богатая барыня из Щиглиц понесла от заезжего немецкого солдата. Кто-то утверждал, что это София, приемная дочка барина, стала матерью. На что только не способна людская молва, когда речь идет о любви и несчастной человеческой судьбе.

Сам Яков долгое время ничего не ведал о своём происхождении. Это он узнал в день тринадцатилетия. Тогда дядя Фёдор в очередном пьяном угаре, неосторожно выпалил всю правду. Что-то надломилось в душе мальчика, появилась глубокая рана, незаживающая боль от неизвестности, от того, что его бросили, отказались ещё в младенчестве.

Часто Варвара замечала, как Яков с тоской наблюдает за журавлями. Его завораживала строгая организация стаи, взаимопомощь, преданность друг другу. Он отмечал, как уставший журавль впереди стаи меняется местами с более свежим, как они бережно относятся друг к другу, не оставляют своих птенцов.

— Варюшка, а ты знаешь, что журавли создают свои пары на всю жизнь? — спросил он как-то, когда у них ещё был один ребенок. — Они очень похожи на нас. А может, это души наших предков, показывают нам пример?

Варвара в ответ заливалась своим звонким смехом — таким заразительным, что муж невольно улыбался в ответ. Она нежно прижималась к нему, уткнувшись носом в плечо, и радовалась своему журавлиному счастью.

На мгновение она замирала, мечтательно заглядывалась в небо, где пара журавлей расчерчивала синеву плавными линиями, — а потом вдруг оживала: игриво щипала мужа за локоть и, лукаво прищурившись, напевала старую песенку про журавлей.

— Не смейся! Вон смотри, кукухи совсем другое дело.

Действительно, журавли были примерными семьянинами и родителями, в отличие от кукушек, постоянно подкидывающих свои яйца в чужие гнёзда. Кукушка, после появления своего потомства сразу подыскивала более-менее подходящее гнездо у соседей, чтобы избавиться от своих яиц. Были мнения, что кукушка таким образом спасает кукушат от прожорливого отца, который по необъяснимой причине всё время хочет сожрать свое потомство. И вот кукушка заметила подходящее гнездо, подметила момент, когда хозяева отлетели, и мигом подбрасывает свои яйца. Именно поэтому, иногда, в минуты глубокой печали, Яков называл себя «несчастливым кукушонком», подчёркивая свою ненужность, одиночество, внезапное, нежеланное, по-своему трагичное появление на свет. И Варвара, полюбив его, приняла не только его самого, но и его историю, боль и «кукушину» судьбу. И только с Варварой Яков не был одиноким, с ней он чувствовал себя по-настоящему, что его любят, принимают со всеми недостат-

ками, ждут дома. У них был свой мир – мир их семьи. Конечно, в деревне они были не одни такие, но Варваре казалось, что их семья особенная.

Когда Яков возвращался с железной дороги, уставший, в грязной рабочей робе, он первым делом шел к жене, молча притягивал её в свои огромные ручки и что-то тихо нашептал на ухо, потом ласково проводил по волосам и жарко целовал в губы. Варвара застенчиво опускала глаза и будто таяла в объятиях мужа. Её не тревожила грязь на его одежде, сажа на руках. Радость от того, что муж наконец дома, что она может поделиться с ним любовью, накормить ужином, наполнить его сердце и душу энергией, затмевало всё. И то, что она целый день сама не присаживалась, работала по дому, занималась ребятишками, никак не отражалось на её нежном лице. В их мире было не принято повышать друг на друга голос, а уж унижать или бить, казалось чем-то бесчеловечным, лишенным разума действием. Не раз к Варваре приходили соседки с синяками, стыдливо прикрывая платком или одеждой побои мужей, они пытались их оправдать. Так было у Ильиных. Это было нормой.

— Бьёт, значит любит! – Поговаривали местные бабы.

— Да, шо это за любовь такая, бесовая? — Хмурилась Варя. — Нешто по-другому нельзя свою любовь показывать? — В голове у неё проносились ужасные образы, как мужчина заносит руку над женщиной и рассекает ей бровь своим могучим кулаком. Как это можно объяснить с позиции любви? Разве, когда любишь, можешь себе позволить причинить боль родному человеку? Разве любовь — это боль? Варвара знала другую правду: любовь — это забота.

— Много ты знаешь! Яков твой просто чудной.

— Да и пуцай чудной, я его таким люблю, а не балбесом. Учиться нам всем надо у природы и животных, у них все по правде, в семье волков, вожак защищает.

Но народ тяжело переубедить в том, что зашито в их сознании давно и намертво. Кто-то из баб завидовал Варваре, что она веселая ходит и холеная, ни разу синяка не приметили у нее, да и скандалов с их избы не слышали.

— Может, колдовка ты какая? — спрашивала ее как-то соседка. — Околдовала мужика, вот он и боится тебя!

— Дурная ты, что ли, плутовка! Какая я колдовка? Просто у всех разные уклады в семье, и меня не надо избивать, чтобы я своего мужа ублажала и любила. Вы у себя таких мужиков терпите, а мне завидуете!

— Эка ты дерзка стала, подруга!

— Просто правду тебе говорю.

Дом Антоновых стоял на развилке двух дорог: одна вилась к речке, вторая устремлялась в сторону Шиглиц — усадьбы Пальчиковых. Поговаривали, что в своё время туда не раз заглядывал Пушкин. Александр Сергеевич не только черпал вдохновение среди этих пейзажей, работая над знаменитыми поэмами, но и посвятил небольшой стих хозяину усадьбы — то ли в знак благодарности за гостеприимство, то ли просто под влиянием минутного порыва.

До наших дней дошёл сборник рассказов «Псковский уезд в лицах»: его герои — не выдумка, а реальные обитатели ближайших поместий, запечатлённые пером с живой точностью. Видно, эти места по-настоящему пленили великого поэта — недаром он так любил сюда наведываться.

Ох и красота там была! Варвара частенько брала детей погулять в ту сторону — показать, как живут господа богатые, да и просто насладиться видами. Вся компания останавливалась на берегу реки Великой. Варвара устраивала постирушки, а ребята с готовностью помогали матери: спешили перебрать бельё, отжать его посильнее — лишь бы мама поскорее освободилась и поплескалась с ними в тёплой водичке.

Живописные берега реки местами круто обрывались вниз, но это только раззадоривало ребятишек. Они весело сбегали к воде, с хохотом ныряли, раскидывая вокруг фонтан брызг, и тут же выныривали, отфыркиваясь и задорно выкрикивая: «Мама, иди к нам!» Варвара, отло-

жив корзину с бельём, на мгновение замирала, любуясь их беззаботной радостью, — а потом, смеясь, скидывала туфли и ступала в тёплую воду, готовая присоединиться к детской игре. Ещё молодое тело Варвары блестело на солнце, капли воды сбегали по сильным ногам, подпоясанное крестьянское платье застенчиво подчеркивало нежные изгибы. Когда-то худая и безгрудая девушка исчезла в прошлом, на место ей пришла женственная округлая Мать-женщина.

Варвара с трудом нагнулась за тазом с бельём. Она подняла его левой рукой, а справа к ней была привязана Муся.

— Ну, пошли, ребята! — Мальчишки неохотно выбирались из реки, слегка подталкивая друг друга и перешучиваясь.

Подходя к дому, Варвара увидела Матрону Львовну, она сидела у их крыльца, подставляя лицо беспощадному августовскому солнцу.

— Матрёна Львовна, добро дня, хотела вас искати, и вы тут.

Варвара устала от стирки, тяжелой ноши и палящего солнца. Но смех мальчуганов и маленькая Муся, подвешенная сбоку отвлекали и не давали думать о плохом.

— Шо, мила моя, хотела? Я глянуть хочю на тво живот.

— Больно, кровит ещё. Но и не так много времени прошло.

Матрена Львовна тяжело встала со скамьи и кивнула в сторону дома.

— Пойдем, гляну!

Варвара попросила мальчиков поиграть во дворе, чтобы побыть наедине с повитухой.

Войдя в избу, Варвара заметно погрузнела, её лицо покрылось морщинками, а взгляд стал усталым.

— Милая моя, ну-ка приляг, гляну на тибя.

Женщина положила Мусю в люльку, накрыла её ветошью и устало прилегла на полати.

— Платье поднимай, шо скромно-то?

— Не люблю я это... — Под глазом у Варвары прыгала венка, слегка подергивая щёку.

Бабка заметила уже давно эту венку, поэтому сегодня принесла сбор для души, как она его называла.

Бабка провела рукой по животу, очертив пальцами треугольник. Указательным пальцем она коснулась пупка, обвела его круговым движением, слегка погладила и вернулась к нижнему треугольнику, снова проведя по нему ладонью.

— Дяя, бяда, родная моя, бяда... Малышку свою таскай поменьше, дя тяжести поменьши таскай. Живота береги сваяго.

— А шо у меня тама?

— Годков тя, Варвара! Не мал быт тебе – сам виделось. Слышь, душенька твоя должна хоть немного оправиться. Гоняй сестру свою с того соседнего дома, пуцай тя же и помогает. Ты же не всю ношу на себя тя можешь таскать.

— Ну я же давны тащыла. — Варвара улыбалась, встала с полатей, поправляя малышку в люльке, чтобы одеялко не спало с тела, прикрыла ножки. — Што во мни так измениса, што нынче мня надобна лежати?

— Усё перевернулося! Ты девять месяцев несла в себе яй диво. Твоё тяло было колыбелю да подстилкою для её возрастания и развития. Всех своих соков отдала, и нынче отдаёшь.

— Бабка, я тя люблю. Усё пройдет, не подрыгай. Мне надо двигаться, иначе тоска наваливается... Да и кто давеча за хозяйством посядит? У сестры свои заботы.

Повивальная поняла, что ее увещевания совершенно бесполезны, Варвара пропустила мимо себя причитания, до этого сосредоточенное лицо уже разгладилось, морщинки на лбу исчезли. Ее глаза наполнились былым светом и любовью, которыми она освящала маленькую Мусю. Еще раз поцеловав свою малышку, продолжила обычные домашние дела. Женщина будто находилась в блаженном неведении и совсем не понимала, и даже не слышала слов, предостережений, обращенных к ней.

Сколько младенцев прошло через руки Матроны — она уже и не помнила. Судьба наградила её девятью детьми, и, вырастив их, она словно обрела новое призвание: стала помогать при родах. Казалось, будто сам Бог направлял её — шептал на ухо, что делать, подсказывал, как облегчить муки роженицы.

Беременные звали её по-разному: сперва просто Мотя, а с годами — уважительно, с почтением — Баба Мотя. Рядом с ней женщины будто обретали опору: легче переживали тяжёлые состояния и головокружения, находили в себе силы справиться со страхом.

Матрона поила их своими травяными сборами и целебными отварами — женщины принимали их словно спасительное зелье. После этих настоев тревоги отступали, дыхание выравнивалось, а в самых непростых случаях удавалось остановить кровотечение. Пахучие пучки сушёных трав висели у неё в избе — каждый сбор был подобран с многолетним опытом, проверен не одним поколением.

Весть о Бабе Моте разнеслась далеко за пределы деревни. К ней спешили за помощью из соседних сёл, приезжали даже из Любани и Великого Новгорода — с поклоном, с надеждой в глазах, с верой в то, что мудрая целительница и на этот раз не подведёт. Порой она отправлялась в путь среди ночи, едва услышав стук в окно: подхватывала свой узелок с травами и спешила туда, где ждали её руки, умеющие дарить жизнь и облегчать боль. Её карие, слегка затуманенные глаза блуждали по телу женщины в поиске боли, руки, кажущиеся на первый взгляд грубыми и заостренными, ощупывали, словно легким перышком проводя по коже. Иногда женщина, после прикосновения рук повитухи, уже успокаивалась, словно одурманенная её теплым дыханием.

Сейчас она видела, что Варваре нужен отдых. Но как донести до нее? Сколько раз она видела, как женщина мучается после тяжелых родов, а потом теряет много крови и не может встать. Слава богу, у нее нет критического состояния, но Матрона Львовна поняла, что её внутренние органы слегка опустились, есть воспаление. Откуда она это чувствовала? Она и сама не понимала, просто знала, что права.

Глава 2 Яков

Коричневая жижа грязи хлюпала под сапогами, засасывая ноги по колено. Колеса повозок скрипели, борясь с непреодолимыми лужами и препятствиями, раскидывая вокруг себя брызги, пробивали себе путь по дороге к станции и обратно. Площадь перед вокзалом кишела людьми, кто-то приезжал, и его встречали, а кто-то, наоборот, отправлялся в путь. Среди благородных господ и дам, проходили рабочие, служащие станции, шныряли беспризорники, выискивая себе еду. В воздухе витал запах креозота, сырых листьев и разлуки. Осень выдалась в этом году дождливой и злобной. Какой-то дух раздора, ненависти летал над городом, периодически подгоняя ветром и противным завыванием, будто предвещая беду.

В этой толпе было легко потеряться. Люди теснились, толкались, дети норовили между ног пролезть вперед, а старики испуганно озираясь по сторонам медленно ковыляли в сторону, ища глазами хоть кого-то знакомого или просто доброго человека, чтобы помогли добраться до дома.

На перроне стояли жители соседних городов и деревень, богатые и бедные... Они встречали своих близких, вытянув шею и бегая глазами по прохожим, боясь пропустить тех, кто выходил из вагона, старались не поддаваться сносящей волне людей, осторожно передвигались к выходу, звали извозчика.

Среди этого хаоса и бешеного движения, вокзал жил своей жизнью. Как невидимые призраки ходили служащие, рабочие, скрутчики, кочегары. Во время остановки поезда, ловко обходя вагоны, Яков проверял насколько они прочно соединены между собой. Где-то приходилось подправлять скобы — то слегка подбить молотком, то заново закрутить; работа требовала выносливости и силы. Их у Якова было предостаточно: широкие плечи не знали усталости, а крепкие руки привычно справлялись даже с самыми неподатливыми болтами.

С собой у него всегда были верные помощники: надёжная стяжка и потрёпанная бутылка с маслом. Яков методично продвигался вдоль состава, периодически смазывал петли — капля за каплей, — и проверял всё сантиметр за сантиметром. Он не пропускал ни одного стыка, ни одной петли: внимательно осматривал, слегка дёргал на пробу, прислушивался. Его опытный слух улавливал малейший намёк на скрип — и тут же Яков принимался устранять неполадку.

Ему было важно, чтобы ни один вагон не издавал противного, режущего слух скрипа. «Поезд должен идти плавно и тихо, — частенько повторял он. — Как будто по воздуху летит». Ответственность была огромная, один слабо завинченный болт, и вагон может пойти в бок, а что ещё хуже — потянуть за собой другие и вызвать аварию. Таких случаев на железной дороге хватало, и всё бы ничего, если бы не человеческие жертвы...

Сегодня выдался очередной рабочий день, полный тяжёлого труда, витиеватых ругательств и криков. Эти звуки будто подбадривали мужиков, и они с ещё большей яростью наваливались на вагоны. Брань оживляла однообразный ритм конвейера, придавала ему нерв и движение. Якову казалось, что это не просто его правая рука тянется к скобе и проверяет, не ослабла ли она, — словно сама мощь страны помогает ему подтянуть её и смазать петли. И так сто раз, по несколько кругов. Суббота всегда изнуряла больше других дней недели. Хотя Яков уже потерялся во времени, третьи сутки он находился на станции. Его напарник, который дежурил по ночам, получил сильную травму. А работать некому. Перед сном он глубоко вздыхал, вспоминая Варвару с детьми. Особенно он скучал по Мусе.

А травма у напарника появилась по причине усталости, ведь не может человек работать без отдыха. Михаил дежурил на вокзале уже пятые сутки, подменял то одного, то второго, вот и в ту ночь заменял Якова. Когда совсем стемнело, пришел поезд на станцию, тот спросонья недокрутил, вагон стал отцепляться. Мужик полез соединять, но ему оторвало руку, чудом

вырвался и откатился на дорогу. Местный врач сказал, что слишком много крови потеряно, и неизвестно, выживет потерпевший или нет. Постепенно из-за несвоевременной помощи, стало появляться посинение.

После этого случая на Якова взвалили еще больше работы. Для начальника вокзала люди были лишь винтиками в огромной машине: главное, чтобы всё крутилось без сбоев, а поезда катились по рельсам строго по расписанию. Человеческие трагедии его не трогали.

Вся эта ситуация еще обострялась и так в беспокойной стране, железнодорожники бунтовали, требовали укоротить рабочий день, ввести выходные, страховки, гарантии. Правительство кивало головой, обещало сократить рабочий день, повысить уровень зарплаты, но изменений не было. Мужики так же работали на износ, оставаясь на дополнительные смены.

Якова вызвали в депо, которое было в двадцати километрах. Нужно было обучить вновь прибывших, а найти более опытного трудно найти. Как самого опытного работника ему приказали обучить вновь прибывших рабочих. Среди них были молодые, совсем без опыта и знаний, повзрослее, кто отработал уже несколько лет на железной дороге, но в другой должности. И только такой умелый работник, как Яков, знал, как быстро передать свои знания. Это означало, что он задержится еще минимум на пару дней.

Внутри Якова начала подниматься злоба. Полдня он ходил и думал, как ему обратиться к начальнику и поднять разговор об оплате этого последнего месяца. Сердце бешено колотилось от напряжения, усталости и предвкушении неприятного разговора. Переработок было много, а вот конкретных сумм по оплате не звучало. В голове крутились разные фразы: «Начальник, надо поднять оплату, начальник, хочу повышения, Вольдемар Исаевич, вы должны понимать, Вольдемар Исаевич, мы так долго не протянем... Всё это выше моих сил, ходить попрошайничать. А что делать, дарить свой труд этому напыщенному коротышке? Вот Варвара бы нашла нужные слова, но её здесь нет...»

Разговора с начальником так и не случилось, к нему не пустили. Секретарша попросила написать прошение. Однако безграмотный Яков не смог составить письмо. Его попытки сводились к невнятным каракулям, которые, разумеется, не могли служить документом. Две недели он провел в депо, изнуряясь работой и прокручивая в голове неудавшуюся попытку достичь справедливости. Вернувшись в Псков, Яков решил действовать решительно. Он вновь отправился к Вольдемару Исаевичу. Секретарша и в этот раз преградила ему путь, отказываясь пропускать его. Но терпение Якова лопнуло. Он не стал снова просить, а просто обошёл секретаршу, прорвавшись в кабинет начальника. Разразился скандал. Вольдемар Исаевич, удивленно приподняв брови от такой наглости работника, изначально спокойно попросил покинуть его кабинет. На что Яков твердо ответил:

— Пока не будет мне бумаги с вашей рукой, где прописано, что за труды мои сполна заплатят и смены пойдут по правде, а не по вашему хотению, — уйду я от вас. А пока буду стоять тут, хоть до белых мух, и с места не сдвинусь. — Вид надо сказать у Якова был правда устрашающий. Давно не стриженный, уставший, с закоптившимся лицом, закатанными по локоть рукавами, которые обнажали мощные жилистые руки. И сам взгляд. Это был взгляд не загнанного работника, а зверя, которого разозлили, загнали в угол, и от этого он стал еще свирепее и злее, готов сорвать шкуру со своих обидчиков.

Начальник опешил от такой силы, и пытаясь не показать испуга перед натиском Якова, привстал со своего кресла, аккуратно поправил очки на переносице, и глядя прямо в глаза произнес:

— Уважаемый, присядьте, пожалуйста! Для начала опишите суть вашего негодования. — При этом он медленно продвигался в сторону двери, видимо, чтобы была возможность выскользнуть из кабинета и позвать на помощь.

— Аль вы и впрямь ослепли? Люди-то мы не железные, ломаемся! Жертвы — одна за одной. А всё оттого, что заездили нас вусмерть. Вот напарник мой — уже не жилец. За что

сгинул? За копейку эту несчастную, чтоб детишек малых накормить! Вместо помощи — гнут в дугу, пока дух не испустит. Кто теперь его семью поднимет? Обещали по-божески с увечными поступать, подмогу давать... Где она, подмога-то? — И тут Яков резко подошел к начальнику и схватил его за грудки. — А вы тут чай гоняете да на нас, как на псов бездомных, смотрите!

Вольдемар Исаевич вжался в свой костюм, пути отхода были уже перекрыты. Необходимо включать свои дипломатические таланты.

— Уважаемый, эт-это правда-правда ужасно. — Начальник начал мягким голосом. — Я сам в ужасе, что творится! И я думаю над решением этого вопроса... — Он слегка разжал тиски Якова и стал отходить от него, затем продолжил уже более высоким голосом. — И поверьте, совсем скоро всё изменится. Вы же понимаете, наш вокзал огромен, сюда приезжают люди со всех городов, и далеко не простые люди. И я сам собираюсь в Москву, есть необходимость встретиться с теми, кто поможет мне решить финансовый вопрос.

Яков еще был зол, но, внимательно выслушав обещания начальника, решил всё-таки присесть. В этом положении он был уже не так страшен, да и сам уже в глубине души стыдился своего всплеска. Он же хотел просто поговорить и настоять на своих правах.

— Я знаю, что вопрос о выплате, мне обещанной, можно решить.

Вольдемар Исаевич, увидев, что бес внутри Якова стал успокаиваться, сам немного расслабился и пошел обратно к своему рабочему столу.

— Сейчас, голубчик, решим... — В голове у него рознились мысли. Одни были положительные, так как он не хотел, чтобы скандал вышел дальше этого кабинета и ужас как боялся если рабочие всей толпой, придут к нему. А с другой одолевала жадность и сомнения, а вдруг они всё равно придут всей толпой и начнут требовать выплат. Выплатить сейчас он всем не мог. И тем более удовлетворить требования каждого железнодорожника, уж слишком все это глобально, такие вопросы необходимо решать постепенно. Да и вообще стоит ли решать все? Да, это тяжелое бремя — быть во главе вокзала.

— Так-с, и что вы хотите сейчас от меня? — Ещё раз переспросил начальник после паузы.

Лицо Якова опять стало приобретать красный оттенок. Он что, его не слушал? Еле сдерживаясь от возрастающей изнутри злости, он проговорил:

— Деньги мои отдайте и работу по совести дайте. На вокзале жить мочи нет, домой пора.

— Хорошо, я понял. За оплату отвечаю не я. Сейчас попрошу секретаря проверить ваши дела и выплатить... Что касается остального... Возьмите выходные, отдохните пару дней. А далее работайте в своем режиме. — Начальник был уж слишком вежлив, но Яков чувствовал, что это возможно временно, как бы потом не последовало от него чего нехорошего. Молча кивнул в знак благодарности и уже хотел выйти из кабинета, как Вольдемар Исаевич его остановил.

— У меня к вам просьба. Не надо распространяться среди других рабочих о нашем разговоре. Я буду в частном порядке решать дела каждого.

— Добро. Только уж перво-наперво позаботьтесь о моём товарище да о его семействе, чтоб с голоду не помёрли.

На этом они и попрощались. Яков выдохнул. После выходных будет голова свежее, и он уже по-крайней мере сделал шаг вперед, заставил себя услышать.

Какое же это счастье наконец-то вернуться домой... Увидеть наконец свою семью, жену, детей. На рынке в Пскове он купил мальчишкам расписные сладкие пряники, Варваре тёплый вязаный красный платок. А Мусе новое шерстяное одеяльце.

Он вернулся домой уже под вечер — попутчиков в сторону деревни не оказалось, и дорога растянулась на добрых два часа. Но Яков не роптал: эти одинокие прогулки были ему по душе. Шаг за шагом он стряхивал с себя накопившуюся за день усталость и раздражение, а сегодня предстояло избавиться от груза, что давил на плечи уже несколько недель.

Перед поворотом в деревню, Яков почувствовал, как стал покрапывать дождик. Он прибавил шаг. Подходя к дому, услышал звуки балалайки. Мелодия, нежно ласкала, гладила и звала скорее дойти до дома. Звук балалайки переплетался с мужским бархатным баритоном. Вот это уже немного напрягло, ведь мелодия шла от его дома.

«Я бы рад, я бы рад тебе воспевати,
Я бы рад, я бы рад тебе воспевати,
Ох, мово голосу не стало,
Ох, мово голосу не стало».

Яков открыл калитку и увидел соседа Архипа, который вольготно расположился на лавке, побрякивая на музыкальном инструменте. Рядом с ним сидела Варвара, её лицо было расслабленно, глаза улыбались, словно пригретая солнышком, она нежилась от звука балалайки. Муся тихо спала у жены на руках, а мальчишки расположились у ног, вытянув свои личики и с умилением прислушиваясь к музыкальным трелям. Варвара, как почувствовав мужа, подняла свои ясные любящие глаза.

— Яков! — Вскрикнула она радостно, — и вскочила ему навстречу. — Муся сегодня кричит весь день. Я ее и так, и так, от груди отворачивается, сосет пальцы. А вот Архип пришел, и музыка её успокоила, заснула.

Яков недолюбливал Архипа, был он слащавый и падкий на чужих жен. В деревне ходили слухи о его непристойном поведении с одной из замужних жительниц, когда её муж отсутствовал. Эти слухи усиливали неприязнь Якова к соседу. Почему-то в голову пришел образ Архипа, нагло лапавшего его жену, как она залепила ему оплеуху, после чего полетела кубарем к печи.

Архип, не прекращая игру, хитро скалился в сторону Якова. Его седые местами волосы, только казалось, придавали его облику какой-то дьявольский образ. Кожа местами уже выдавала возраст. Но и эти морщины будто еще больше привлекали женщин, придавая ему мужественности. А как он мог красиво говорить! И это было главное оружие — он ласкал женские уши такими комплиментами и ласковыми речами, что самая неприступная открывала ему двери своей души и позволяла вытворять такое, что даже у самых извращенных умов могли выступить капли пота на лбу от стыда.

Яков недовольно метнул взгляд на Архипа, стиснул зубы, так сильно, чтобы не дать своему языку сказать что-то едкое нежданному гостю. Варвара это заметила и стала выпроваживать гостя.

Все бы ничего, если бы Архип на прощание не ущипнул женщину за щёчку. Это уже Яков вынести не мог. Буквально за мгновение его кулак уже был у челюсти соседа. Архип от неожиданности завалился на землю, издавая последние ругательства и кроя на чем свет стоит Якова.

— Ты сдурел, что ли?! — голос Архипа дрожал от ярости, а кулаки непроизвольно сжимались.

— Ты чужих жён не лапай, понял?! Иначе я тебе так морду разукрашу — не узнаешь себя в зеркале. А остальное... сам догадайся, куда засуну, — прошипел он, шагнув к обидчику вплотную.

Варвара испуганно вздрогнула, крепко прижала Мусю к груди и отошла в сторонку, инстинктивно загораживая собой детей. Такого разгневанного мужа она ещё никогда не видела.

На работе, знала она, Яков мог быть резким, порой грубоватым — повышал голос, жёстко ставил на место нерадивых. Но чтобы вот так, с открытой, почти звериной яростью — и при жене, и при детях... Он словно переступил какую-то невидимую черту. В его глазах сейчас

читалась не просто злость — в них полыхало что-то древнее, первобытное: готовность защищать своё любой ценой.

Муся тихо всхлипнула, вцепившись в сарафан Варвары, а старшие дети замерли, переглянулись — в их взглядах смешались испуг и удивление. Они привыкли видеть отца спокойным, рассудительным; этот незнакомый, грозный человек пугал их до дрожи.

— Яков, милый мой, давай пойдем отужинаем. — Жена, конечно, должна встречать мужа с хлебом и солью. И тут Варвара поняла свою оплошность. Никогда такого не было, чтобы Яков приходил, и его не ждал теплый ужин, а тут еще этот проклятый Архип нарисовался, и она совсем забылась, не доготовила любимые щи мужа.

На это Яков осторожно отодвинул Варвару в сторону, еще раз приложился кулаком к бокам Архипа, потом пнул его, поднял за грудки, и глядя прямо в глаза, прошипел:

— Чтобы больше я тебя здесь не видал.

В деревне воцарилась тишина. Кажется, из каждого окошечка повылазили хозяева, чтобы услышать новую сплетню и разнести её наутро. Архип хоть и был трусом и бабником, но также был и редким гадом. Перед тем, как скрыться за калиткой, кинул на прощание:

— А ты спроси у жёнки, понравилось ей, как я ее за груди обжимал.

Это было такой глупостью, что каждый, кто знал хорошо Варвару и Якова, ну ни за что не приняли это за правду. Но Яков был так зол, что это было еще одной каплей, которую он не мог спокойно пропустить мимо ушей.

Он схватил первое попавшееся полено и побежал вслед за обидчиком. Архип быстро, словно молодой волчок, мчался, не чувствуя ног, по направлению к своей холостяцкой избе.

Из домов стали выходить люди и всматриваться, что же происходит, что за крики поднялись на ночь глядя. Кто-то обронил, что Яков с катушек съехал, кто-то, что Варвара с Архипом обжимается пока мужа нет, да и Муся вовсе не его дочка. Права поговорка «На чужой роток не накинешь платок»...

Домой Яков возвращался уже совсем в потемках. Луна, будто испугавшись ярости ревнильца, спряталась за облака, ни в одном доме не горел свет. Ему приходилось идти буквально на ощупь, пробираясь по неровной дороге к дому. Дети уже спали на печи, ночи выдалась холодные, и Варвара решила их согреть. Муся лежала рядом с ней, медленно перебирая пальцами грудь и прижимаясь щекой к нежному материнскому телу.

Дверь тихо скрипнула, в дом ворвался сырой осенний воздух с легким ароматом пожелтевших листьев. Тяжелые шаги Якова. Тишина.

Варвара немного приподнялась, взгляделась в темноту, стараясь рассмотреть мужа.

— Яков?

— Корми, жена, говорить будем.

В комнате стояло напряжение, как перед грозой. С улицы доносилось завывание ветра и шелест листвы, погода разбушевалась не на шутку. Где-то вдалеке раздался вой собаки. Варвара быстро поставила еду на стол и села рядом с мужем.

— Яков...

— Молчи! Поем — поговорим!

Женщина сидела и разглядывала в полутьме профиль мужа. Его тело было так сильно напряжено, что даже волосы, казалось, торчали в разные стороны. Лицо оставалось непроницаемым. А ей так хотелось прижаться, как обычно по вечерам, к груди мужа и просто посидеть молча, насладиться его силой, спрятаться за его могучими плечами от появившейся тоски и житейских проблем. Она не любила жаловаться, или еще чего ворчать и докучать своими женскими жалобами. Ей просто было достаточно его объятий и ласкового взгляда.

А что сейчас? В голове крутились вопросы, она не поняла, как так резко всё произошло, что Яков расสวิрепел и схватил Архипа. И зачем этот Архип вообще пришел, да еще и гадости

какие-то говорил. И зачем она позволила ему играть и петь для Муси? Ведь могла бы, и сама справиться. Справлялась же до этого.

Её руки нервно теребили старенький белый пуховый платок, который подарили на свадьбу. Он частенько согревал ее холодными вечерами, когда она шила или готовила загодя. Но в этот вечер от платка совсем не было тепла...

Яков отодвинул миску. Тяжело поднял глаза на жену и тихо сказал:

— Скажи мне правду, жена...

— Яков, муж мой, посмотри мне в глаза. Журавль ты мой. — Она протянула к нему руки. — Ты же сам всё прекрасно знаешь! Архип балагур и бабник, мимо нас проходил со своей балалайкой, Муся плакала, надрывалась...

— Он тебя трогал? — Резко перебил Яков.

— Выдумал он всё, тебя позлить хотел!

— Зачем вообще во двор пустила? Знаешь, что люди говорят?

Варвара закрыла лицо руками. Её плечи стали подергиваться, слышались тихие всхлипывания. Хотя обычно она не показывала мужу слёз.

— Позор. Говорят, дочь не моя, а жена домой приводит этого, пока я паровозы свои обслуживаю. Мм?

— Не трогал он меня, Яков. — Варвара вспомнила, что вчера Архип несколько раз к ней подходил близко и заглядывался не так, как обычно. Но ничего такого не было. Зачем он подло решил ляпнуть глупость?

— Я завтра дома, начальник отпустил.

Яков устало поднялся со скамьи и вышел из-за стола. Тело уже перестало слушаться, словно каменная глыба, еле волоча ногами, он пошёл к палатам. Вся эта беготня за Архипом, разбирательство с ним, забрали последние силы. Единственное желание — просто лечь и ни о чем не думать. Возвращаясь домой после драки с Архипом, Яков услышал разговор двух соседей, о том, что Муся не его родная дочь, у мужчины в голове все перемешалось. Он не готов был такое услышать. Его идеальный мир, его домашний очаг в один вечер раскололся. И теперь он не понимал, где правда, а где сплетни, и как смотреть жене в глаза.

— Муж мой, я хочу тебе сказать, что всегда любила только тебя, и всегда так будет. Не дай злым языкам войти в наш дом. — Прошептала тихо Варвара немного успокоившись и набравшись смелости подойти к мужу.

— Ты сама позволила этому подлецу войти в наш дом... Я устал, пойду спать. — Резко проговорил Яков. И правда, через пару минут уже заснул, только голова приложилась к подушке.

На следующий день Яков ходил хмурый. Колол дрова, носил воду, ходил в поле, делал всё, только бы не находиться рядом с Варварой. Мальчишки бегали за ним, звенели ему в уши, он особо не обращал внимания.

Варвара же хотела улучшить момент, чтобы пообщаться, еще раз постараться убедить мужа, но никак не получалось. Тогда она решила пусть пока ходит сам с собой поразмышляет, побудет в своих мыслях. Её мучил вопрос, о чем муж говорил с Архипом, когда догнал его.

В доме повисла никогда не виданная грусть. После обеда начался дождь и поднялся сильный ветер, снося оставшиеся листья. Мальчишки ковырялись дома на полу, играли тихо в деревянных человечков, словно понимали, что-то произошло.

Лишь под вечер Яков заметно смягчился. Зашёл с охапкой дров в избу, снял рабочий сюртук, оголился по пояс. В избе до такой степени натопилось, что забылась и осенняя сырость на улице. Подбросив поленья в печь, уселся рядом с мальчуганами на пол и дал им свежеструганного деревянного петушка.

— Держи, малец, в следующий раз еще диковинок наделаю. — Старший Андрейка радостно переложил петушка к остальным своим игрушкам, многие из которых были сделаны отцом. Младший брат тотчас заинтересовался новой подделкой, и игра у детей оживилась.

Тут Яков вспомнил, что для Варвары он прикупил платок. Жена сидела за столом. При тусклом свете из окна и лучины, что зажигали под вечер, были видны золотистые пряди, мягко спадающие на плечи. Она медленно, аккуратно стежок за стежком подшивала мужнину рубаху. Как будто с каждым стежком зашивала любовь, свою главную женскую силу, чтобы передать через шитье, насколько глубоки и сильны её чувства. Рубаха должна согреть его раненое сердце и защитить в дальнейшем от ревности и обид. Муж подсел рядом, не говоря ни слова, расправил платок и нежно укрыл её мягкие плечи.

— Это цвет моей любви. Пусть он тебя защищает от злых умыслов.

Красный цвет платка, переплетаясь с волосами, заиграл новой мелодией.

— Какая красота, спасибо, муж мой! — Варвара так сильно прижалась к мужу, поправила платок и по скупой, но доброй улыбке мужа поняла, что он ей к лицу.

И вроде бы гармония опять вернулась в дом семьи.

Но маленький червь, ревностный и противный, спрятался в сознании Якова. Как будто страх, что какой-то Архип может прийти и, пока его нет рядом, посягнуть на самое святое, что есть у Якова, терзал его сердце. Ночью приснился отвратительный сон, будто жена пошла за водой на колодец, а из колодца вылезло чудовище и стало обнимать её. Что хуже всего, она и не сопротивлялась, а охотно принимала ласки. Постепенно образ чудовища в сознании Якова растаял, сменившись обликом знакомого мужика. Тот стоял к нему спиной: седые волосы, крупные натруженные руки — и эти самые руки стаскивали с его жены сарафан, перст за перстом¹, оголяя её хрупкую фигуру.

Пальцы Архипа скользили по коже Варвары, движения становились всё более настойчивыми, дыхание — чаще. Яков застыл как вкопанный: ноги будто приросли к земле, мышцы свело от бессилия. Он не мог пошевелиться, не мог броситься вперёд, чтобы вырвать жену из объятий соседа. В груди клокотала ярость, сдавливала горло, мешала вдохнуть. И эти стоны, стоны! Это всё должно принадлежать только ему! И послышался животный женский вздох — это было последней каплей, только от его прикосновений могла так стонать Варвара!

Яков открыл глаза. Долго не мог прийти в себя, понять где он находится. Наконец в темноте, в свете луны, которая подглядывала к ним в избу, разглядел мирно спавшую рядом жену и маленькую Мусю, которая смотрела на него в упор. Её взгляд нельзя было назвать младенческим. Она словно хотела что-то сказать, предупредить. Какая-то боль осела в сердце у Якова, необъяснимое чувство разъедало душу. Испугавшись своих мыслей, он отвернулся от дочери и закрыл глаза.

«Надо уснуть! Я так с ума сойду».

Немного помучившись, Яков всё-таки уснул.

¹ Перст - Мера длины в царской России

Глава 3 Восстание на Железной дороге

Прихрамывая, спотыкаясь, потом заново поднимаясь, душа Якова проходила свой путь. Его, казалось бы, стальное терпение, местами покрывалось коррозией и скрипело. Визжало и стонало, иногда затихая, пугая своей безмолвной тишиной. Ещё с детства Яков боялся тишины. Тишина — это как будто ничего нет, всепоглощающая пустота, которая обгладывает твои лучшие видения и желания. С возрастом он научился справляться с этой тишиной, заполняя ее физическим трудом, а потом появилась Варя... И заполнила собой все его пространство, тишина стала отходить. Душа и сердце наполнилось любовью и крепкой привязанностью, которую нельзя просто так в одночасье разбить, уничтожить, бросить как старый сапог на дороге, нельзя отдать на растерзание мерзким людям, которые готовы с головой окунуться в твою святую, перевернуть всё, выпотрошить, опошлить, потом обсмеять и унижить. Нет, Яков не собирался идти на поводу грязных слухов. Однако в голове то и дело проскальзывали мерзкие реплики Архипа, он их заглашал, и тут наступала она — тишина...

Когда Яков приехал на вокзал в Псков, он почувствовал, начинается что-то масштабное. Его внутренняя тишина заполнилась всеобщим хаосом и человеческими страданиями. Русские мужики натерпелись, наелись уже обещаниями о лучшей жизни. Они уже поняли, что их силу бесстыдно используют, а взамен дают жалкие гроши. Градус волнения достиг своего максимума, и система взорвалась.

В один момент вся работа встала. И это случилось не только в одном маленьком селе или большом Пскове. Это случилось по всей стране. словно по команде остановились кочегары, смотрящие и остальные рабочие железной дороги.

Толпа, с горящими глазами кричала:

- Ура! Победим!
- Требуем восьмичасовой рабочий день!
- Нам нужен отдых и гарантии!
- Шестидневная рабочая неделя!
- Выплаты по болезни!
- Отмена штрафов!

По бескрайним просторам России, словно по жилам огромного организма, застыли стальные артерии железных дорог. В одночасье привычный ритм жизни был нарушен: семьсот пятьдесят тысяч рабочих, объединённых общим горем и гневом, прекратили свой труд. Сорок тысяч километров путей, ещё вчера гудевших от стука колёс, погрузились в мёртвую тишину.

Из недр народа, словно из-под земли, выросли новые, невиданные прежде органы власти — стачечные и дорожные комитеты. Они стали мозгом и сердцем этого великого протеста. В их руках оказалась судьба перевозок: они решали, куда пойдёт поезд, устанавливали новые, справедливые цены на хлеб и товары первой необходимости. Вся огромная железнодорожная сеть страны теперь подчинялась не министрам и чиновникам, а воле простого человека.

Рабочие чувствовали свою силу. Перед лицом штыков и нагаек они не дрогнули. Жизнь, полная лишений и унижений, стала для них слишком дорогой ценой за покорность. В их сердцах пылал огонь перемен, и они были готовы заплатить за будущее любую цену.

В этой бурлящей, многоликой толпе, сотканной из голода, надежды и праведного гнева, был и Яков. Его взгляд, как и у сотен тысяч других, был устремлён не только в собственное завтра. Он думал о своих близких, о детях, которым должен был оставить мир без вечного страха и нищеты. В его душе личное горе сливалось с общей болью народа, рождая непоколебимую решимость бороться до конца.

Пробравшись сквозь бушующую толпу, Яков увидел знакомые лица рабочих. Мужики стояли около паровоза, преграждая путь к нему для желающих зайти внутрь. Из толпы доносились крики:

— Пустите! У меня билет до Петербурга!

— Сегодня никто никуда не поедет!

— Что за безобразие!?! Где начальник вокзала? — Мужчина в дорогом пальто, шляпе и пенсне пытался пробраться к вагонам, но его тут же оттолкнули бастующие рабочие.

Яков подошел к одному из своих знакомых и спросил:

— Что происходит?

— По всей стране встал транспорт, пришло уведомление от комитета из Москвы. Там еще пару дней назад началось. — Глаза рабочего горели, впрочем, как и всех других. — Либо сейчас, либо никогда! Нас должны услышать, они уже не смогут перестрелять и игнорировать. Бастуют не только железные дороги, крестьяне, рабочие взяли в свои руки. Давай, Яков не стой! Держи этих господ, надо всех отогнать от вагонов.

— А где все машинисты и слуги?

— Машинисты сами бастуют, слуг разогнали.

Через несколько часов толпа заметно поредела. Страх перед разъяренными бастующими оказался сильнее любопытства или чувства долга. Начальник, предчувствуя катастрофу, ещё утром бежал «от греха подальше», оставив вместо себя лишь безмолвную охрану. Его попытка достучаться до столицы по телеграфу провалилась: страна была охвачена пламенем бунта. Власть, помня о шрамах «Кровавого воскресенья», не хотела и не могла повторить прошлые ошибки. Царь пошёл на уступки.

— Муся, смотри, какая красота! Снежинки на ветках переливаются. Сейчас пройдем сквозь ели — и там твой папа с братьями.

Варвара продиралась сквозь сугробы к полю, где собралась вся деревня. Сегодня проходили кулачные бои — их устраивали время от времени, особенно в масленичную неделю. Мужики и сами любили зимой помериться силой, а теперь это был ещё и праздник — проводы Масленицы. Яков, редко бывавший дома, на этот раз решил не пропускать гулянку и присоединиться к сыновьям.

На поле съехались все: от мала до велика. Жёны, сёстры, матери — шумно болели за своих. Дети носились туда-сюда: одни кидались снежками, другие с визгом катились с горки.

Как только Варвара появилась, в толпе зашептались. Кто-то усмехнулся, кто-то скривился от зависти.

Особенно ненавидела её толстая баба с румянцем на щеках и глазками-бусинками — Анфиса. Может, из-за её красоты, может — потому что Варвара светила счастьем, шла по жизни легко, не сгибаясь под сплетнями.

— Смотри, гадюка идёт! — прошипела Анфиса. — Слышали, как эта чернота по ночам в змею превращается? Пробирается в дома через щели, пока ее Яков спит или паровозы смазывает... Мужей чужих совращает! Бесстыжая! Да и дочка-то её последняя — видать же Архип отец! Видно же!

Каждое общее сборище в деревне она использовала, чтобы разносить ядовитые сплетни. Кто-то из баб дружно кивал, глаза закатывал, но те, кто знал Варвару, плевались и отходили.

Матрона Львовна, услышав очередную гадость, шагнула вперёд, схватила Анфису за руку. Та аж пискнула.

— Ты чё, Мотя?!

— А ты язык прикуси! Сама-то на змею похожа — толстую, глупую, юродивую! Смотри, как бы в гадюку не превратилась!

Анфиса вздрогнула, но тут же с ненавистью прошипела:

— А ты погляди, Мотя: защищаешь её, а вдруг змея у тебя на руках — и в самое сердце ужалит? Думаешь, она сюда мужа приглядывать пришла? Нет! Смотрит, к кому ночью прильнуть...

— Ой, дура ты, — качнула головой Львовна и отошла. Смысла спорить не было. Ума у Анфисы — кот заплакал, зато язык — острее бритвы. Недаром у неё и муж ушёл, и уважать в деревне перестали. Зависть точит — вот и плетёт она интриги. Жаль, что многие ей верят. Слух идёт по деревне — из дома в дом — и каждый раз становится громче. Пока Варвара не превращается в какою-то... блудницу.

Но больше жалко было не Варвару — жалко было Якова. Слышал он эти глупости. Не раз уже лез в драку. Всё понимал: вздор, враньё. Но иногда, среди ночи, в тишине, подкрадывалась грусть. И тогда в голове мелькала подлая мысль: а вдруг это правда? А вдруг он — слепой от любви муж?

Повитуха неторопливо шла к сестре Варвары, и в груди теплилась робкая надежда: вдруг сердце родной сестры всё-таки растопится, и та хоть чуточку станет лучше относиться к Варваре? Стоит только рассказать о её нездоровье, о пропаже послета — и женщина, сама, будучи матерью, наверняка поймёт. Ведь Варваре и впрямь могла грозить серьёзная опасность: слабость, лихорадка, да мало ли что ещё...

Но чем ближе подходила Матрона Львовна к дому, тем тревожнее становилось на душе. Внезапно она остановилась посреди дороги, замерла, обхватив себя руками, и задумалась.

А что, если это сестра навела порчу на Варвару? Что, если из зависти к старшей, более счастливой, она призвала злых духов, шептала заговоры у чёрного камня, жгла сушёные травы в полночь? Мысль пронзила её, как ледяной клинок, и Матрона Львовна невольно содрогнулась.

Она тряхнула головой, отгоняя жуткие догадки. «Нет, — твёрдо сказала она себе, — не может так родная сестра. Не может мать, знающая цену материнским слезам, желать зла своей родной сестре и её ребёнку».

Глубоко вздохнув, повитуха подняла глаза к хмурому небу и тихо прошептала:

— Если беда пришла — значит, это навьи сами очнулись, да решили творить беду здесь. Не людская воля, а тёмная сила.

С этими словами она поправила платок и решительно зашагала вперёд — к дому Анны.

Как ни в чем не бывало, Матрона Львовна поздоровалась с женщиной, решила, надо с ней поаккуратнее общаться.

— Анна, душа моя, просьба к тебе есть.

Анна плавно подняла свои соболиные брови вверх, молча вопрошая, что же за просьба. Несмотря на то что, она была младше Варвары, на первый взгляд могло показаться, что она, наоборот, старше. Невысокого роста, плотного телосложения, все это усугублялось мрачным выражением лица и складками на лбу. Из-под платка торчал хвост черных волос. Никакого сходства у сестер не было. В отличие от Варвары, она обладала жестким характером, молчаливой натурой. Муж был такой же, в селе его называли Григорий Хмурый. Так и приклеилось, семья стала называться — Хмурая. Вот дети только пока не испортились, веселились, прыгали, как веселые поросятки во дворе. Но, как часто бывает, веселиться таким детям осталось немного, родительская хмурица скоро доберется и до них. На контрасте с Варварой, казалось, что они из разных семей, просто странным образом оказались в одном доме.

— Аннушка, сестра твоя гордая, даже могу сказать, блаженная. Помощь ей нужна, чувствую, надорвёт она себя. Походи к ней немного, может, что-то где-то подсобишь, тяжелое поможешь потаскать, обед приготовишь... Нельзя ей напрягать тело, может плохо стать.

— Матрона Львовна, вы вот видите, что у меня своих дел что ли нет?

— У тебя детей меньше и сил больше.

Что-то в интонации повитухи совсем не понравилось Анне. Казалось, над ней нависла тяжёлая синяя туча — давящая, гнетущая. Взгляд Матроны Львовны больше не лучился привычной теплотой: в нём читалась твёрдая, непреклонная решимость, от которой по спине Анны пробежал холодок.

— Она сама хотела много детей, — холодно отрезала Анна, стараясь не выдать внутренней дрожи. — Почему я должна брать на себя её заботы?

— Потому что есть законы людские, — медленно, весомо произнесла Матрона Львовна, — не писанные на бумаге, но глубже врезающиеся в память, сильнее оставляющие след в умах и сердцах. Не будешь соблюдать — будешь страдать!

Каждое слово повитухи звучало так отчётливо, будто она действительно вырезала его раскалённым железом в воздухе перед Анной. Она сделала шаг вперёд, и её взгляд, пронзительный и жгучий, словно опалил Анну изнутри — будто невидимое пламя пробежало вдоль нервов, заставляя невольно отступить. Анна сглотнула, чувствуя, как уверенность покидает её. В этом взгляде было нечто большее, чем просто упрёк: древняя мудрость, вековой опыт и незыблемая вера в то, что она говорит истину.

Слишком тяжело это было понять, человеку, который думает только о себе и своих проблемах. Анне иногда казалось, что она вообще родилась не в том месте, не в той семье и не в то время, да и детей своих особо не жаловала, так терпела, потому что по-другому не знала, как жить. А тут еще эта ведьма пристаёт... Почему она должна помогать Варваре? Они и раньше-то особо не дружили, а с годами вообще стали друг другу, как чужие. В детстве, младшая Анна, всегда отнимала у Вари игрушки, задирала её, а один раз даже косу отрезала, просто так из зависти, что у сестры волосы были длиннее, да и мальчишки больше за ней бегали, а Анна как серая мышка, ещё в детстве была полненькой и неуклюжей. Всегда в стороне оставалась. Очень к маме ревновала, как видела, что мать Варюшку по головке мама гладит, ласково котёнком называет, так сразу слезы наворачивались и обида. Обида разлилась в крови, и видимо так и осталась там, замаскировавшись под холодную молчаливость и отчужденность от внешнего мира.

— У меня свои законы — ко мне не лезь, я к тебе не лезу!

— Молодая ещё, не наученная... Сестра твоя — родная кровь, мать вас в своем чреве носила, любила, хотела, чтобы вы друг другу опорой были... А ты! Повитуха брезгливо сморщила нос, оглядела комнату и вышла. Не было души в этом доме, даже красивые скатерти и самовар не украшали, казалось, они здесь лишние. И запах... Этот запах, от чего становилось дурно и тошно. Повитуха так и не поняла, отчего такой мерзкий запах.

Фигура бабки удалялась вглубь улицы, разбрасывая вокруг себя искры раздражения, злости на человеческую бездушность и глупость. Как ей не хотелось верить в хорошее, но она явно чувствовала, что поддержки от сестры Варвара не получит.

Вечер тоскливо освещал ставни деревянных домов, щебетал пением скворцов, ленивым урчанием кота Васьки. Бабы собирали детишек ближе к домам...

Глава 4 Темнота

«Проклятые рельсы! Проклятые вагоны! Проклятая жизнь! Хоть ложись на пути и жди поезда!»

Вторые сутки шёл мокрый снег. Он не укрывал землю белым саваном, а лишь смешивал дорожную грязь с гарью и пылью в единую серую жижу. Яков промок до нитки. Его сапоги давно отслужили своё: сквозь дыры в подошвах он чувствовал каждый камень и каждую колею промёрзшей земли.

К станции тяжело подползал состав. Сил обслужить его не было совсем — ни физических, ни душевных. Но Яков сделал над собой нечеловеческое усилие и побрёл к поезду.

От усталости его повело в сторону. Ноги отказывались держать тело, и он всей своей тяжестью налетел на высокого господина, который с достоинством сходил с платформы.

— Эй ты, смотри, куда прёшь, нелюдь!

В другое время Яков и не обратил бы внимания, но сейчас захотелось въехать ему по роже.

Он схватил господина за грудки, грозно посмотрел в глаза и прорычал:

— Я могу тебя придушить, ты даже пискнуть не успеешь! — Тело задергалось и заскулило о помощи, тогда Яков ещё раз встряхнул и уже громче промолвил: — Ступай отсель ...

Самому стало гадко. Яков в очередной раз поймал себя на мысли, что срывается на ровном месте, чего с ним раньше никогда не случалось. Смертельная усталость лишала воли, и он не успевал затормозить — казалось, в него вселяется бес, управляющий телом.

Он видел, как господин, только что полный достоинства, теперь испуганно семенил к извозчикам, то и дело оглядываясь и ускоряя шаг.

«Нелюдь». Это слово почему-то обожгло разум так сильно, как ничто и никогда. Почему господин так сказал?

Обходя и проверяя вагоны один за одним, Яков погрузился в свои размышления.

«А ведь я мог бы быть, на его месте, если бы мои настоящие родители меня не выкинули!»

«Тьфу, чёрт, так бы я не женкался на Варе!»

«А может, мы с ней познакомились бы в другом месте, и у неё был бы богатый муж, а не это грязное чудище»

«Эх, Яков, давай заканчивай со своей тоской, доработаешь и пойдешь домой!»

Обойдя вагоны, он пошёл в хибару — там собирались рабочие, ели, пили и иногда ночевали. «Может, и остаться?» — подумал Яков. Всё равно завтра опять переться с утра пораньше.

«Ну да ладно! Попрошу Ивана завтра попозже уйти, с утра чтоб мне дал время немного поспать».

В хибаре уже сидел Иван и доедал батон с колбасой. Мужик он был здоровый, на такого помотришь и понимаешь, что он может и сам вагоны толкать.

— Иван, добро! Просить тебя хочу завтра за меня до обеда остаться, надо с женой побыть.

— Это дело благое, ну и ты меня попозже выручишь!

— Да, за меня не убудет, ты же знаешь!

За последний месяц он столько раз поругался с начальником вокзала, что его оградили от него, поставили бригадира для решения спорных моментов. С бригадиром стало легче работать, он был ближе к народу и прикрывал их махинации со сменами. Но работы меньше не стало, хоть и обещали урезать часы и повесить плату, все это так и оставалось пока в стадии обещаний. Иногда Якову снились незнакомые места, иногда Якову снились незнакомые места, стран-

ные дома. Просыпаясь, он долго не мог отделаться от ощущения — хочется рассмотреть всё повнимательнее. Однажды он рассказал об этом Варваре.

— Снятся предки, — сказала она. — Может, те самые, кто тебя подбросил.

И сейчас, идя от станции к дому, он снова задумался о своём происхождении.

«Наверное, и к лучшему. Наверное, мне и не суждено быть господином. Зато я счастлив. А это много стоит».

Домой он едва добрался — налетела метель. Повезло, что сосед попался, с рынка возвращался на своей кляче — подвёз до посёлка.

Что-то было не так...

Неужели права повитуха? Варвару скрутило так, что она едва не выпустила коромысло. Боль была острой, режущей, словно кто-то невидимый пытался разломить её надвое прямо посреди дороги. Она стиснула зубы: «Держись. Надо идти». Дом был совсем рядом, но каждый шаг давался с невероятным трудом. Уже месяц она жила с этим страхом и слабостью. Матрона Львовна твердила про покой, отдыхать больше. А как можно отдыхать, когда весь дом на тебе?

Дома сидят мальчишки, лепят забавные фигурки из теста для лепешек, маленькая Муся лежит в люльке. Ей надо идти.

Перед глазами стало всё расплываться, почувствовался кисло-сладкий вкус на губах, легкая слабость в руках, ногах. Нет! Нельзя расслабляться. Дома её ждут мальчишки, маленькая Муся... Яков скоро придет... И опять сладкий вкус на губах, пелена, как нежный туман, окружает её, всё становится мягкое, воздушное... Нет, нельзя, её дома ждут мальчишки, маленькая Муся в люльке... Опять сладкий вкус на губах...

Лишь спустя пару часов Варвару обнаружил старый дед Федот, на дороге по пути к колодцу, когда шел с одним ведром, неспешно прогуливаясь перед сном со своим псом. Она лежала замерзшая, платье в крови, еле проступающее сердцебиение. Дед собрал свои силы, аккуратно приподнял и понес к избе.

— Мальчуганы, а ну-ка воды несите теплой с печи, разогреть мать надо. А ты, Андрейка, зови соседку, и давай быстрее!

Мальчишки испуганно хлопали глазами, они никогда не видели мать такую... Неподвижную, бледную, не улыбочивую.

Дед аккуратно положил женщину на скамью и, стараясь не пугать детей, попросил сбегать за помощью в соседний дом.

Вскоре прибежала соседка, она же тетка Варвары. Молча, быстро начала снимать одежду с женщины, растирать тело какой-то мазью. Муся начала кряхтеть, требуя внимания.

— Мальчишки, мама сейчас отогреется, а Муську надо покормить. Молоко несите из погреба, разогреем.

Её внутренняя уверенность передалась детям. Варвара лежала согретая одеялами, всё такая же бледная.

Позже подошла повитуха. Слегка шаркая своими сапогами при входе в сени, тихо вздыхая и причитая о том, что ее никто никогда не слушает. Она по традиции провела по руке женщины своими пальцами, прощупала пульс, приложила ладонь ко лбу. Потом слегка отвернула одеяло, нажала на живот, провела рукой снизу-вверх. Провела еще раз, потом тяжело вздохнула:

— Поздновато... Слишком поздновато.

— Матрона Львовна, шо вы говорате?

— Из неё жизнь угасает, крови много лишилась. И, погляди, течёт ещё. Сегодня принесу отвара, надеюсь, он поможет да облегчит её муки.

Глаза ее блестели, слезы катились по морщинистой щеке, слишком она привязалась к их семье. И это тянущее чувство, когда понимаешь, что не можешь ничем помочь. Зачем она пошла за водой? Могла дожидаться ведь Якова. Да в конце концов к соседке подойти, к деду Федоту. Гордая была. Да нет, не была, ещё есть. Пока есть.

Яков пришёл поздно. Сразу почуял, ещё не войдя в дом, не так, как обычно, дышала его изба. Не было этого мягкого, теплого, окутывающего дурмана его семьи. Дурман, который встречал его теплыми женскими объятиями и поцелуями. Почему на табуретке сидит Аграфена и держит Мусю на руках? Почему так тихо горит свеча? Почему мальчишки испуганно выглядывают с печки, спрятавшись под одеяло?

Запах...

Чужой запах тоски.

Аграфена осторожно, стараясь не скрипнуть старым табуретом, встала. Мусю она держала на руках, укутанную в платок так плотно, что виднелись только носик и глаза.

— Яков, та Варвара ныне слабо болит. Треба доброго доктора, ибо наша повитуха ныне над нею кружила, но сил не имела ей помочь...

Мужчина тихо подошел к кровати, где лежала его жена, аккуратно присел рядом. Взял ее руку, слегка прикоснулся губами.

— Чё случилось?

— Федот её набрёл, как остыла на дороге, видать, шла с воду, да и обморок ухватила. Кровь её льётся сильно.

Яков сидел рядом с женой, слепо глядя перед собой. Глаза жгло, но он не пытался скрыть слёз — они катились по загрубевшей коже, оставляя мокрые дорожки. Голос Аграфены доносился словно сквозь толщу воды, не проникая в сознание. Он был там, в прошлом. В том времени, где они были просто детьми, где всё было легко и понятно, где они вместе играли на берегу реки.

Он частенько бегал с мальчишками, забавы девчонок его мало занимали, да и не пустили бы они его в свой круг. Но вот постарше, по мере того, как у Варвары стала длиннее коса, больше, синее глаза, румянее щеки и женственнее девичий стан, Яков все больше и больше останавливал на ней свой взгляд. Она застенчиво опускала ресницы, бросала быстрые взгляды из-под них и, убегая с сёстрами и подругами, мило завлекала его всё глубже в свой волшебный мир. Затем последовало первое признание, долгие прогулки по селу, просьба руки и сердца, свадьба с пышным караваем... И вот они уже муж и жена, семья, строящая свой дом по соседству и ведущая хозяйство.

Время начало тикать всё быстрее и быстрее. С рождением первенца они познали, что такое счастье на двоих. Точнее, на троих. Их мир начал стремительно расширяться. Появились второй и третий ребёнок... Были и нерождённые дети, но они переживали всё это вместе, рука об руку, душа в душу, сердцем поддерживая друг друга в трудную минуту.

Бледная кожа, синяки под глазами, неподвижная рука, совсем не та Варвара, которую привык видеть Яков. Как он не досмотрел, почему она не просила о помощи?

Он бережно сжал её ладони своими — шершавыми и обветренными. В душе ещё жила отчаянная надежда: она просто устала, выспится, а утром проснётся прежней — с весёлым блеском в глазах и смехом, который так любила вся семья.

По-другому не может быть. Это просто невозможно. Они поклялись быть всегда рядом, быть рядом до последнего вздоха...

Для Якова эта ночь не кончалась. Зловещая тишина стала осязаемой, она давила на грудь, мешая дышать. Он пытался бороться, но она уже была внутри него, пустила корни, и сопротивление казалось бессмысленным.

Единственным звуком был тихий плач пса во дворе. Хозяин дома был уверен: зверь прощается с душой Варвары.

Рассвет так и не наступил. Темное небо заволокло маленький поселок, необычайный для этого времени года сильный дождь, заливал дороги, овраги и дворы...

Только истошное «Ку-ка-ре-ку» обозначило, что пора вставать.

Аграфена в эту ночь была с ними в избе, убаюкивала периодически маленькую Мусю и подкармливала ее молоком. После пения петуха пошла проверить Варвару, увидела, как Яков лежит с краю кровати и держит за руку. Глаза его были открыты, но то, что она там увидела, повергло женщину в ужас. Заледенелая пустота.

Она взяла руку Варвары и всё поняла. Она была холодная, окаменевшая. Лицо, сжатое, застывшее во времени.

— Яков... Эй, да вставай-ка, надобно собраться. Много мне жаль, как тяжело на сердце.

— Нет, я буду тут же с нею. Отойди, уведи детей. — Это были уже слова безумца.

Женщина не стала спорить. Пусть мужик немного отойдет, а детям и правда надо уйти, для них это сейчас не очень понятно. Пока ещё темно, пока они ещё не видят ледяную душу бледность своей мамы. Пускай она в их памяти останется живой и веселой.

Как пахнет горе? А как пахнет горе безумца? Возможно, это похоже на конец осени, когда листья уже начинают подгнивать, и ты понимаешь, что лето ушло безвозвратно. А может у горя острый вкус, когда откусываешь кусочек перца и сводит челюсть? У каждого свой вкус горя. Вкус, который запоминается на всю жизнь и потом совершенно не возникает желания его искушать повторно... У горя безумца присутствует еще цвет – воспалённый мозг хочет спрятаться подальше от чудовищных, страшных образов, но этот цвет проникает глубоко в подсознание, насыщает собой кровь. И вот человек уже теряет свою естественность, теряет смысл бытия, теряет связь с реальностью. Красный цвет безумия проник глубоко в мозг Якова, стал медленно растекаться по главным артериям его сильного жилистого тела, пропитывать каждую клеточку тела.

Его глаза стали отражением ада. Доселе таившаяся тоска и ревность, которую он так тщательно скрывал, превратилась в чудовищную боль. Теперь он понял, что все его переживания не имеют никакого смысла и значения, что, поддаваясь нелепым подозрениям он не замечал главного — что его жена тихо умирала, надрывалась и молчала. А почему молчала? Не хотела никого расстраивать, лишний раз обременять своими проблемами и хозяйственными тяготами. Он вспомнил, как однажды приходила повитуха и между делом подошла к Якову, и так тихо-тихо, чтобы не слышала Варвара и дети, прошептала Якову:

— Милок. Ты бы приглядел за женкой... — Увидев его настороженный взгляд и вспомнив, что он ревнует Варвару, пояснила: — За здоровьем её. Не нравится мне ее долгое кровотечение. Не жалеет она себя, низя ей тяжести.

Яков тогда кивнул, призадумался. Ведь и правда, Варвара стала бледнее обычного, и взгляд ее иногда становился каким-то отстранённым. А потом работа, дразги с начальником, и как-то позабылись предостережения Матроны Львовны. Теперь от своей забывчивости хотелось рвать волосы на голове... Да уже не вернуть её. И эта необратимость сводила с ума.

Пока дети были у Аграфены, Матрона Львовна пошла в часовню договариваться об отпевании усопшей, похоронах. По пути зашла к Анне.

Та не очень-то ждала гостей. Домашний сарафан больше походил на ночную рубаху, которую наспех надела, волосы спутанным комом свисали на лицо. Встала в проёме входной двери, сложив руки и преградив путь в дом.

— Аннушка, доброго дня. Плохие вести я тебе несусь. Сестра твоя почилла.

Женщина даже бровью не повела.

— Знаю. Слышала.

Старуха внимательно всматривалась в непроницаемое лицо женщины, которая не имеет души, чувств, стучащего сердца.

— С детьми бы помочь, да отпевание скоро...

— С детьми Агрофена, я не хочу на себя брать их.

— Ты видела Якова? В него злой дух вселился, он совсем обезумел. Сейчас надо о детях позаботиться.

Анна еще сильнее сжала челюсть, и тихим голосом произнесла:

— Я не собираюсь быть для них мамой-наседкой. Могу взять только старшего, хоть по дому поможет.

Повитуха не стала спорить. Это уже была победа. Дай бог, отец отойдет вскоре и забереет обратно. Остальные ребята живут с теткой. Но у Агрофены добрая душа, и Матрона Львовна понимала, что та справится.

По обратной дороге к дому Якова, Матрона Львовна дала себе волю нареветься. Каково же больно — хоронить такую молодую, каково же больно хоронить ту, у которой ты не раз принимала роды и лечила деток, каково же больно хоронить ту, которую ты сама встречала на этот свет... Она знала ее с первых дней жизни, видела, как та вскармливалась на груди у матери, делала свои первые попытки встать, затем ходить, говорить, постепенно превращаясь из маленькой кудрявой девочки в стройную ясноглазую девчину.

А теперь ей надо обмыть тело и подготовить к отходу в мир иной.

В избе была тишина. Яков так и сидел у постели Варвары, не разжимая ее руки. Его горе было немым, глубоким, всепоглощающим.

— Яков, надо обмыть Варвару, одеть в новую одежду.

Повитуха боялась, что мужчина продолжит противиться и не захочет пустить ее, но он словно замер во времени, тяжело поднял глаза и молча кивнул.

— Она мне не отвечает, — прошептал он, голос его был еле слышен. — Я просил у неё прощения, но... Она, кажется, уже ушла.

— Она тебе всё простила, не бери на себя грех. — Попыталась утешить его повитуха. — Теперь тебе ее надо отпустить, чтобы душа её не маялась.

Взгляд Якова блуждал по избе, останавливаясь на каждом предмете, на каждом уголке, на каждом воспоминании, запечатленном в этой комнате.

— Дом пуст...

Дом и правда опустел, ребятня вся была у Агрофены, печь давно остыла, в ней не трещали дрова, не чувствовалось теплоты домашнего очага.

Всю ночь повитуха пробыла с Варварой, обмыла, протерла спиртом, причесала. Позже покопалась в вещах Варвары, нашла нарядный сарафан, так как было принято провожать в мир иной наряженными, чтобы умершая на том свете могла радоваться... Аккуратно сложила руки. Вокруг стола, на котором лежала женщина, выставила свечи и провела всю ночь в молитвах. На утро, Варвару, как принято, отпели в часовне и проводили в дальний путь. Со всего села собрались люди, для многих эта новость стала как гром среди ясного неба, ведь она еще вчера, позавчера ходила живая и приветливо улыбалась всем. Кто мог подумать, что в этой жизнерадостной, не ведающей горя женщине затаилась болезнь? Бабки тихо перешептывались, качали головами, охали и ахали, поглядывали на Якова и причитали, как же он один справится теперь с ребятами. Анфиса бросала на гроб злые взгляды и бормотала сквозь зубы:

— Это ей за колдовство...

Соседки тут же зашикали на неё со всех сторон:

— Ты что, Анфиска, совсем ума лишилась? На неё же порчу навели!

В толпе тут же загудели голоса, вспоминая, кто при жизни завидовал Варваре и желал ей зла.

Мужики, что заранее вырыли яму, стояли поодаль, угрюмо вытирая мокрые лица. Было непонятно, отчего они мокрые: от слёз ли скорби, от пота ли тяжёлой работы или от мокрого снега, который с утра сыпал так некстати. Всё это время Яков не произнес ни звука. Только

когда тело жены стали опускать в землю, он упал рядом и зарычал, как дикий зверь. Он бил руками в землю и звал ее по имени.

— Вааяря! Не надо, не бросай нас! — И, оглянувшись обезумевшими глазами на толпу, он крикнул:

— Вы что творите!?! Она же замёрзнет!

Это была самая худшая зима в его жизни.

На следующий день у него появились проблески сознания, и он пошел к Аграфене проведать своих детей.

— Отъеду я завтра... На дороге волнения, да и не могу тут оставаться. Молю ты велика, знаю: душа у ты широка, сердце горяче, так пригляди за моими чадами. Мусю особо береги.

— Поняла я все, Яков, еще вчера поняла. Не волнуйся, всё будет хорошо...

Как хрупок человек перед лицом горя: в один миг ломается стержень, обнажаются слабости, а привычный мир теряет краски. Яков сидел, глядя на свои большие, жилистые руки — руки сильного мужчины — и понимал, что они бессильны перед этой бедой. Только сейчас до него дошла вся правда: его физическая мощь не стоила ничего рядом с духовной силой Варвары. Она умела улыбаться сквозь слёзы, находить для него слова утешения там, где другие бы сорвались на крик, и направлять на верный путь, даже когда он ошибался. Теперь её не было. Компас сбился. Даже дети, которых он так любил, вызывали лишь страх: он не знал, как быть им отцом без неё. Должно пройти время, чтобы рана затянулась и в душе вновь забил родник мудрости... А пока он решил заглушить боль: работой до изнеможения и алкоголем до беспамятства.

Глава 5 Безумие Якова

Казалось, зима навсегда прописалась в деревне Подбережье, игнорируя март и заметая дворы большими сугробами.

Яков все реже и реже приходил домой, после тяжелого рабочего дня он частенько оставался с мужиками работягами и глушил своё горе алкоголем. Там же у станции были построены бараки для рабочих, где он и оставался ночевать. Сил идти почти пятнадцать километров вечером и потом с утра не было совсем. Точнее не было желания. Иногда в нем просыпались отцовские чувства, но после первой второй рюмки быстро угасали, и он перемещался в сиреневый туман своих несбывшихся грез, где он ещё с Варварой, где они ещё радуются жизни.

В апреле его ноги всё-таки привели к дому. Там царил тишина. Все дети спали у Аграфены. Яков решил, что отдохнет у себя, а с утра со свежей головой пойдёт к Аграфене, навещать детей.

Он прошёл внутрь избы, сел на своё, когда-то согретое любовью жены, хозяйское место у окна. Сам не заметил, как достал из погреба водку. Первый стакан успокоил, расслабил. Его взору предстали иконы, которые когда-то развесила Варвара. Яков взгляделся в святые лики и попытался вспомнить молитвы.

После второго стакана – обнажилась грусть, он стал погружаться в воспоминания, перед ним появился образ жены, такой, какую он запомнил ее при жизни, — весёлая, жизнерадостная, золото волос покрывают округлые женские плечи. Образ настолько был реален, что он почувствовал прикосновение её нежных рук у себя на груди и тихий шёпот:

— Яков... Яков, я скучаю по тебе.

Мужчина протянул к ней руку, но она будто растворилась в воздухе, а позже снова появилась, но уже рядом с ним, обняла сзади за плечи и нежно поцеловала в плечо. От ощущений у Якова засосало где-то внизу живота, и по телу стала растекаться боль. Он понимал, что это просто его воображение, хотя плоть говорила об обратном, все происходило как наяву. А до боли родной голос продолжал нашептывать:

— Посмотри на меня. Яков, посмотри мне в глаза.

Яков заглянул в её небесно-голубые глаза и утонул в их глубине. Там, на самом дне, таилась такая холодная тоска, что он не выдержал. Вскочив со скамьи, он заметался по избе, а затем, споткнувшись о валявшееся полено, взвыл и едва удержал равновесие. Кое-как успокоившись, Яков вновь сел на место.

— Уйди, не мучь меня! Прошу!

— Почему ты гонишь меня? Ты разлюбил меня?

Яков зажмурил глаза и ударил кулаком по столу. Нашупав с закрытыми глазами бутылку водки, он глотнул прямо из горла, чуть поморщился, занюхал рукавом и медленно стал открывать веки.

Оглядев избу и убедившись, что видение исчезло, он взял стакан и наполнил его доверху.

Третий, четвертый, пятый стакан... Пятый стакан пробудил небывалую ярость на весь мир. Он глянул в угол избы, там висели иконы, которые когда-то развесила Варвара. Одним большим шагом он предстал перед ними.

— Нет тебя, слышишь! Забыл ты про нашу семью! Нельзя так просто забрать светлую душу! Добро или зло ты несёшь людям? — Голос Якова становился всё громче и яростнее. — Молятся на тебя! А ты что? Забираешь у детей мать! Будь ты проклят! — И резким движением содрал со стены все святые лики. Иконы полетели на пол, и одна из них раскололась пополам.

— Точно! Ты притворяешься только святым ликом!

В ответ была шипящая тишина, которая оглушала своим безразличием и холодным дыханием. Обессиленный он сел на стул, сложил голову на могучие руки и заплакал. Тут его никто не видит. Никто не осудит. Он знал, что и так многие его односельчане шептались и злословили за спиной, что он перестал общаться с детьми, взвалил все на плечи Аграфены и ушел в Псков. Его осуждали за пьянку, так как не раз видели подвыпившим. Чувство стыда потихоньку стало отходить, оставляя место для злости на этот мир, несправедливость и желание провалиться к чертям в преисподнюю. Даже лики теперь стали бездушные, как будто весь мир отвернулся от Якова.

В избе стало совсем темно, чувствовалась сырость и одиночество. Давно никто не протапливал дом. Давно никто не использовал печь. В этой крошечной тьме можно надолго потеряться и даже замёрзнуть, но вдруг в сознании у мужчины возник образ маленькой Муси. Он вспомнил, что принёс деньги, хотел передать их Аграфене. Она не раз уже жаловалась, что кое как сводит концы с концами, у самой семья, кормить нечем...

Ещё не встало солнце, а Яков уже стоял в сенях у соседки. Нерешительно переминаясь с ноги на ногу, смотрел на дверь, собираясь постучать.

Наконец, вздохнув полной грудью, толкнул дверь. Она со скрипом отворилась, приглашая раннего гостя зайти внутрь. Аграфена уже была одета и готовила обед у печи. Детишки посапывали на полатах. А муж, видимо, ушёл в лес.

— Доброе утро, Аграфенушка, — глухо произнес Яков и потупил взор.

Огромная фигура в дверном проеме съежилась, словно пытаясь стать меньше. Могучий мужчина стоял, ссутулившись, как старик, и смотрел в пол с робостью ребенка, стащившего чужие яблоки и ожидающего наказания.

Женщина резко обернулась, хотела было вскрикнуть от неожиданности, но сдержалась, вспомнив, что дети спят ещё.

— Дубина ты стоеросовая! — Как можно тише прошептала она. — Наконец ты насё пришёл да нас наведы. Ай, я уж думала, што ты нас окончательно забросил!

Она жестом подозвала мужчину к столу, пригласила присесть.

— Беда, Яков, беда! Муся совсем немощна, не вылечить ми её. Я уж водила её к Настасье, у ней молока ста по счету – на десятерых досыта, а ты её за грудь куса, никак не желает сосати. Што творити, да покуда так подкормлю коровьем молоком. Кашляет, видимо, недостает ей тепла...

Мужчина горестно потряс головой. Сколько он уже не видел дочь, сколько не видел сыновей. И, кажется, чувства стали огрубевать совсем... И даже стыдно в этом, признаться.

— Эй, Аграфена, я деньга принес... И меня назад на станцию надо.

— Вот это да, хоть что прикупим... А чё мне с Мусей делать-то? Тётка моя сказала — её в Симбирск свези, там у Клавдии домовина получше, климат и лад более благоприятны. Побогаче нынче живут, как слышно. Да и доктора там водятся.

— Симбирск? Да ж куда так далеко... — Он пытался вспомнить, кто такая Клавдия и где этот Симбирск находится. Представилось, как его маленькую дочку отвезут в неизвестность. Но что может быть лучше? Оставить ее здесь? Разве мог он на что-то сейчас повлиять.

— Где та? Дай хоть одним глазком глянь...

Женщина подвела его к маленькой люльке за печкой. Свет был очень тихий, но и так Яков смог разглядеть сверточек, который уже увеличился в размерах. Девочка была тщательно закутана в платки, личико маленькое, пухленькое, с розовыми кукольными, как у мамы губками. Кажется, она почувствовала, что на нее кто-то пристально смотрит, немного причмокнула, чуть дрогнули реснички, и она открыла маленькие глазки.

Этот взгляд пронзил Якова, как острая стрела. Казалось, она вопрошает его: «А ты почему пропал? Почему бросил нас на произвол судьбы?» И Якову даже показалось, что на него смотрит сама Варвара и неодобрительно качает головой и вытирает слезы.

Девочка закашлялась несвойственным сипом для ребенка.

— Эй, слыши, кашель какой? — Она толкнула слегка Якова локтём. Хотелось накричать на него, потрясти как следует, чтобы привести наконец в чувства. Но, казалось, он совсем опустил руки, потерял себя в этой жизни.

— Яков, ты слышь меня? Я тебя не узнаю! Вон смотри, твои пацаны спят, все на одно лицо – и енто лицо твое. А ты кудать затерялся. Опомнись, жить на-да!

Он недоуменно смотрел на нее, неужели она не понимает, как ему плохо? Он просто не мог понять, как ему жить дальше без Варвары. Что он может дать детям без неё.

— Значит так, Яков. Ты дитям нужен, якоже они день-деньской о тебе спрашивают. Муся подрастает, ей тоже отец потребен. Давай наконец возьми себя-в руки, ты мужик здоровенный, так что любой за тебя завидует. Сколь сил мужицких в тебе, вот видишь. Мусю я пока отвезу на пол годика, а ты соберись, и как раз к осени обратно заберем.

У Аграфены был план, она знала, что девочке там должно быть хорошо, да и она уже перестала со всем справляться, боязно стало за здоровье девочки. Зная, что предыдущие дети умерли почти сразу после рождения у Варвары, надо было что-то предпринять.

— Аграфена, я знаю, как рубить лес, знаю, как класть шпалы, во мне силы, хоть весь поезд на себе утащить... Но вот внутри совсем нет силы. — Он ударил себя кулаком в грудь и с мольбой посмотрел на женщину. — Если ты считаешь, что Мусю надо отвезти, значит, так и надо. Я денег им пришлю, только чтобы они ее любили как родную. Мне сейчас с детьми ну никак...

Ранним утром повозка двигалась в сторону вокзала, маленький кулек лежал рядом с женщиной.

Где-то у реки жалобно пропел журавль...

Легенда о журавлях.

На просторном, залитом солнцем берегу Великой реки, где песок золотисто-жёлтым ковром расстилался под ласковыми лучами, произошла встреча двух великолепных журавлей. Первый, изящный и гордый самец, с элегантностью опытного танцора, тщательно осматривал территорию, оценивая её пригодность для предстоящего брачного ритуала. Его движения были исполнены грации и уверенности, каждое перышко на его роскошном оперении казалось специально созданным для этого величественного действия. Он проверял каждый уголок, словно режиссёр, подготавливающий сцену для грандиозного спектакля. Вскоре появилась самка, не менее прекрасная, с оперением, переливающимся на солнце всеми оттенками утренней зари. Встретившись взглядами, птицы начали свой завораживающий танец.

Они расправляли свои крылья, подобные огромным парусам, наполненным ветром, и взмывали в воздух, совершая плавные, грациозные прыжки. Их движения были синхронными, словно они танцевали под невидимую музыку, чувствуя ритм друг друга на интуитивном уровне. Быстрые шаги сменялись медленными, плавными поворотами, изящными наклонами голов – весь танец был исполнен нежной грацией и взаимным восхищением. Во время этого ритуала журавли издают удивительные звуки, мелодичные и протяжные, словно душевная песня, несущаяся над рекой, доносясь далеко-далеко за пределы их скромного царства. Эти звуки – приглашение к союзу, сигнал для других птиц, оповещение о начале священного обряда.

После танца началась подготовка к созданию гнезда, символа их будущей семьи. Союз журавлей – явление редкое по своей преданности и верности. Они создают пару на всю жизнь, разделяя все радости и невзгоды. Забота о потомстве ложится на плечи обоих родителей, причем самец нередко принимает участие в высиживании яиц, грея их своим теплом и заботой. В случае потери партнёра, оставшийся журавль никогда не ищет замену, он хранит верность ушедшему, одиноко бродя по местам их бывлых счастливых встреч. Его печальная песня, тихий стон о потерянной любви, разносится над рекой, вызывая сочувствие и грусть у всех, кто слышит его. Иногда можно увидеть одинокого журавля, медленно идущего по песку

с низко опущенной головой, словно он несёт тяжёлый груз печали, и его грустная мелодия эхом отражается от водной глади. Это печальное зрелище напоминает о хрупкости жизни и великой силе любви, которая может быть, как источником радости, так и причиной глубочайшей печали.

Глава 6 Муся – детство

Очень много воспоминаний из раннего детства. Периодически они вспыхивают в памяти, как яркие искры, и обжигают моё сердце давно забытой болью...

Одно из ярких воспоминаний, как меня сажают на сани и везут. Машу на прощание Волге. Это было бы детским приключением, если бы не чувство, что я никому не нужна. Все от меня отказывались. Что я такого сделала плохого, понять трудно. Детский мозг стал адаптироваться к смене взрослых, и это повлияло на меня в будущем. Я научилась приспосабливаться в любых ситуациях.

Симбирск. Когда мне исполнилось три года, я жила у тетки Клавдии вместе с её детьми. Мы не были родными людьми. Я к ним попала в младенчестве, не помню, как. Позже мне уже рассказали, что родной отец мой живет в деревне под Псковом, мать умерла, я заболела и меня отвезли сюда, думали, здесь будет лучше...

Как-то тётка выгнала нас гулять во двор с сыновьями, а сама ушла по делам. Я весело ныряла в сугробы, мальчишки меня оттуда вытаскивали, а я обратно. Уже через полчаса с меня можно было выжимать воду. Старший Аркадий повел в дом согреться, за что нас обоих наказали, так как было велено гулять до обеда. Тетка Клавдия пришла злая, от неё пахло табаком и спиртом. Я посмотрела в её чернющие, как уголь глаза и сказала:

— Тётя, кто этот музик в пальто?

Она вылупилась на меня, как будто увидела дьявола.

— Ты что такое говоришь, маленькая паршивка? — Лицо её при этом то и дело менялось в оттенках, от бледно-пепельного до пурпурно розового.

— Дядя боольшой тебя обнимал... — Я сама не понимала откуда у меня это взялось в голове. Но почему-то, когда она зашла в комнату, я явно увидела картину, как она обнимается со здоровым военным.

Мужа Клавдии в тот момент не было дома, наверное, к счастью... Как оказалось, позже, тетка не раз ходила на свидания.

Отлупили меня в тот день отменно, и, чтобы я не распускала свой язык, посадили в чулан на ночь. После этого случая, я стала общаться только с бабушкой и сестрой Стешей. И у меня прибавилось общения с животными, птицами, разными предметами.

Я выросла очень быстро, несмотря на малый возраст, многое понимала, но по-прежнему старалась отмалчиваться. Как-то вечером я сидела у печки, согревалась вместе с братьями и сестрой после очередных уличных игр в снежки и безумной войнушки. Бабушка развесила одежду и ходила вокруг, причитала.

— Где носит вашу мать, опять я, старая карга, должна за всеми убирать и стирать. Уже спина не гнётся. Я всё хожу, хожу, хоть бы кто помог...

Дальше всё происходило по старому сценарию, я подходила к бабушке, обнимала её сухую фигурку и предлагала свою помощь.

— Да всё, уже поздно, надо было раньше, бабка совсем справилась. А вы сидите, грейтесь, да жуйте пряники с молоком горячим...

По её лицу было видно, что она этого и ждала, когда наконец кто-то из нас подойдёт и предложит помощь. И каждый раз, как кто-то то из нас предлагал помочь, она начинала ворчать еще больше, выгоняла спать или в чулан, чтобы не мешались.

Я чувствовала её стальной характер, видела, что она по жизни была очень сильной. Жизнь ее так хорошенько побила, муж умер давно, потонул в реке по пьяни. При всём при этом она оставалась доброй и любящей. Между нами сложилась очень тесная связь, бабушка единственная в этой неродной мне семье, кто действительно любила и всячески оберегала от тётки и её

побоев. Это ей не всегда удавалось, но она была тем человеком, который потом меня и восстанавливала, смазывала синяки и ссадины, успокаивала мою еще неокрепшую детскую душу.

Мои способности пугали мачеху, а бабушку, наоборот вдохновляли. И когда выдавалась редкая свободная минутка, она присаживалась рядом со мной и разговаривала. По большей степени она задавала вопросы, а я рассказывала о своих снах, видениях, о своих странных разговорах с животными, она молча слушала кивала, лишь вглядываясь в меня долгим глубоким взглядом. Когда же я ей рассказала о гибели ее мужа, бабушка посоветовала такие вещи не всем рассказывать.

Сегодня она устала, выдавал ее взгляд и голос, не было в нем энергии. Чуть слышно она прошептала:

— Иди, родная, отдохни, в следующий раз поможешь, — погладив меня по волосам, она изнурённая опустилась на стул, чтобы немного передохнуть.

Я чмокнула ее в сухую щёчку и хотела было послушаться и забрать веник, но меня тут привлекло сияние за окном.

Странно, во дворе было до этого совсем темно, лишь ветер подвывал, завлекая при этом в свой безумный танец ослепительные снежные хлопья. Когда я подбежала к окну меня ослепило и даже оглушило. И в этой ослепительной тишине, я услышала хрипкое: «Спаасииите...»

Ничего не замечая вокруг, я выбежала в сени, затем на крыльцо, нырнула в снег слева от входа. В руках у меня оказался темный тёплый пернатый комочек.

И опять послышался хриплый голос: «Помоги, сестра...»

Я вгляделась в это существо, глаза уже привыкли к темноте, и свет, который ослепил меня, исчез... У меня в руках лежала молодая ворона. Совсем ещё ребёнок, от которого, видимо, отказались родители.

Между нами завязался немой диалог. Я слышала её без слов, а она понимала меня, улавливая тончайшие оттенки чувств. Мне доводилось общаться с птицами и раньше, но эта встреча была иной. В ней было что-то особенное, почти мистическое, словно мы были знакомы целую вечность.

— Ты моя сестра... Я ворона... Ты узнала меня?

— Нет... Мы, видимо, давно не виделись. Как тебе помочь?

— Согрей меня. И я тебе после всё расскажу...

— Хорошо... Но если ты моя сестра, значит, я тоже ворона?

— Да, и это твоя шкура, она лишь мешает тебе...

После этого глаза вороны закрылись, ее тельце обмякло, но сердце продолжало биться.

Мне надо её согреть. И спрятать. Иначе тётка и её угробит.

Я держала её в ладонях, укутав в тепло старых полотенец. Под пальцами ощущалось слабое, трепетное биение крошечного сердца. Это была моя маленькая сестра-ворона, которую я приютила накануне.

Моё собственное сердце переполнялось тихой, звенящей радостью. Я чувствовала, что стою на пороге великого открытия. Вот-вот эта птица, пришедшая из иного мира, откроет мне тайну, расскажет правду обо мне самой. Я всегда знала, что я — другая. Чужая среди тётки Клавдии, бабушки, сестёр и братьев, соседей — всех, кто меня окружал. Я не вписывалась в их мир, казалась им дикой и странной, потому что моё сердце принадлежало не людям, а зверям и птицам.

Мне всего четыре года. Но, как шепнула мне сестра-ворона перед сном, время для нас течёт иначе. Вороны взрослеют быстрее людей. Они — глаза вечности: видят прошлое и будущее, читают мысли и чувствуют боль на расстоянии, спеша туда, где нужна их помощь.

Её появление не было случайностью. Она явилась, потому что увидела тьму, сгущающуюся надо мной. Она почувствовала ту затаённую злобу тётки, что, подобно яду, отравляла воздух и в любой момент могла стать для меня смертельной.

Тётка Клавдия могла бы заменить мне мать, но не захотела. Она ненавидела меня так сильно, что это чувство вытеснило всё остальное. Своих детей она любила — опекала, целовала, и даже била их как будто мягче, без той звериной злобы, что доставалась мне.

Она была матерью. Чужой матерью. И каждый день она вдавливала мне в голову эту истину: «Ты здесь никто! Не пытайся мне понравиться! Ты не нужна даже отцу, никчёмная девчонка!». Я росла в атмосфере этой удушающей нелюбви, и контраст между её нежностью к своим и лютой ненавистью ко мне был невыносим.

Но я уже привыкла к ее ненависти и побоям. Знала, что скоро это закончится. Возможно, отец наконец-то вернется.

Я заснула, согретая внезапно появившейся верой в свое будущее и обретенной сестрой.

Утром меня разбудил сквозняк из распахнутого окна. Странно, ведь я его не открывала. Моей маленькой вороны не было рядом. Где же она?

И словно в ответ на мой вопрос в голове прозвучал шёпот сестры: «Не жди меня сегодня. Спрячься в подвале, там ты всё поймёшь!»

Почему она меня оставила? Мы не успели поговорить, я до сих пор не знаю, почему мы — сестры.

В подвал идти не хотелось. Там сыро и полно мышей. Но вдруг это начало чего-то нового?

Что ж, я нужна только бабушке и младшей сестре. Потерплю мышей и холод... Любопытство распирало и оказалось сильнее страха перед темнотой.

Вместе с ветерком в комнату ворвался запах свежее испечённых пирогов. Наша бабушка труженица. С самого утра стояла у печи и готовила.

Я подошла к сестре Стасе. Она ещё спала, а братья уже ворочались, видимо, до их носов туманной дымкой доплыл аппетитный запах свежей выпечки.

Сейчас перекушу, и после этого незаметно спущусь в подвал.

На кухне у печки суетилась бабушка, мачехи уже не было дома. Она любила смываться с утра, сейчас особенно, ведь как пару недель в город приехал её любовничек, и она старалась почаще с ним встречаться, пока он здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.